…ЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
№ 334.

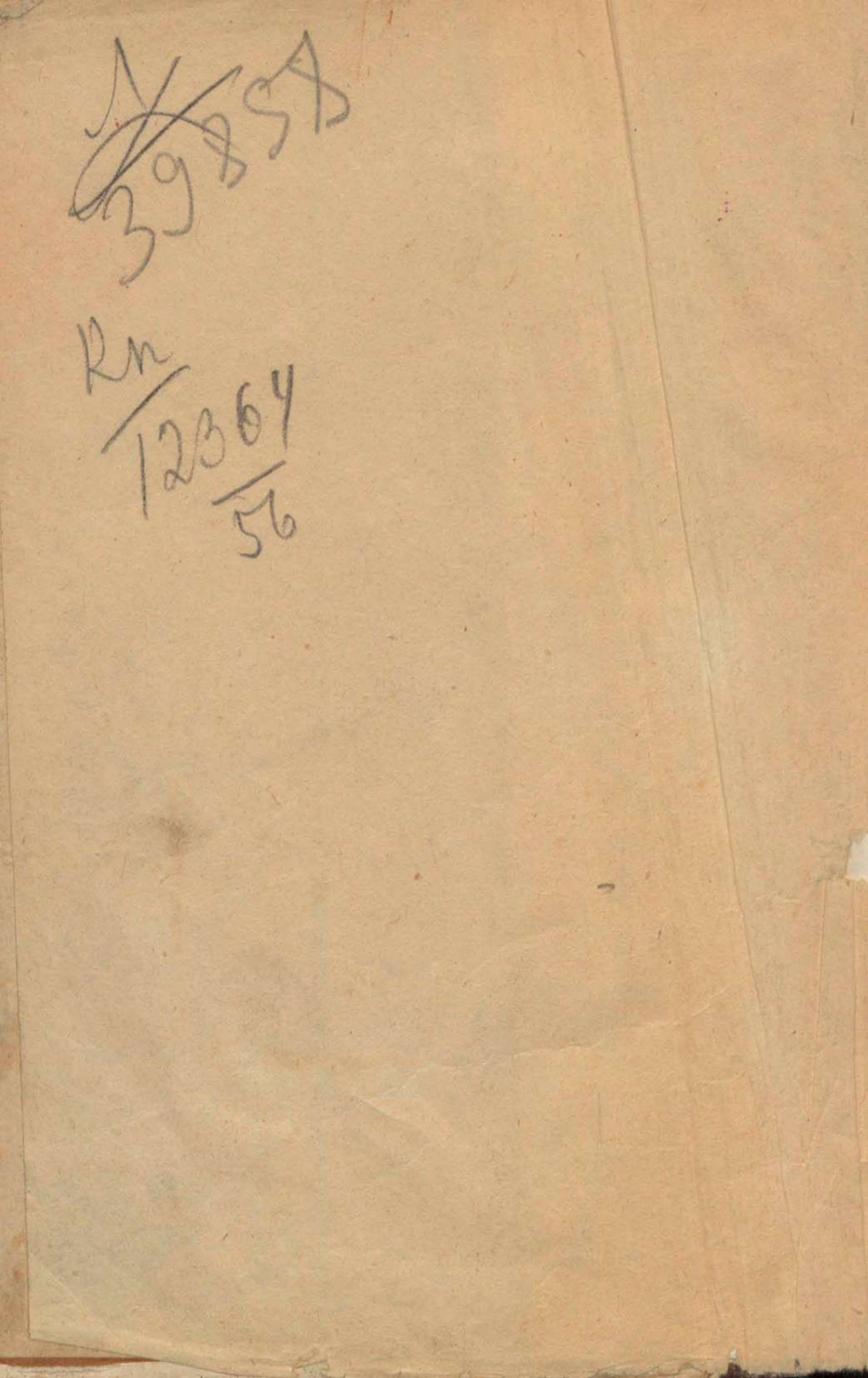
А. Калининъ.

ВЪ ДЕБРЯХЪ КАВКАЗА.

(ПО ДАГЕСТАНУ).

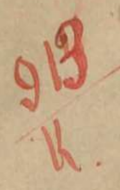
Со многими рисунками.

N 3985A
Kn
12364
56

БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

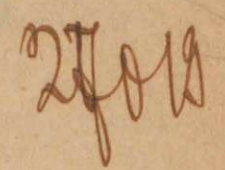
№ 334.

А. Калининъ.

ВЪ ДЕБРЯХЪ КАВКАЗА.

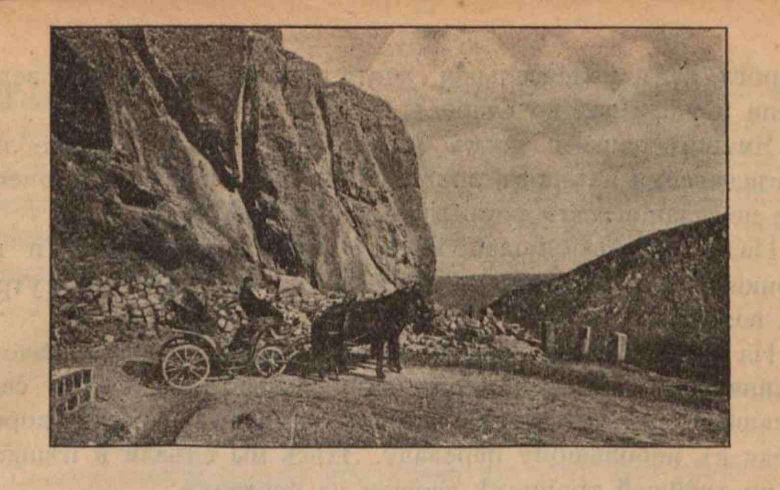
(ПО ДАГЕСТАНУ).

СО МНОГИМИ
РИСУНКАМИ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1917.

Въ дебряхъ Кавказа.

Посвящается А. Ѳ. Музыченко.

Отъ Петровска до Гуниба.

I.

Вѣтеръ шелъ съ широкаго Каспія и сурово вздымалъ грозныя пѣнящіяся волны. Рокотали сердитые водяные гребни и съ яростью разбивались о гранитъ набережной.

Петровскъ спалъ крѣпкимъ сномъ маленькаго провинціальнаго городка. До разсвѣта оставалось не больше часа, когда я со своимъ товарищемъ по путешествію Ф. выѣхалъ на Дагестанское шоссе.

Бойкая тройка несла насъ по ровной, гладкой степи. Едва виднѣлась сквозь предразсвѣтный сумракъ сѣрая полоса дороги, а вдали на горизонтѣ вставали таинственные и далекіе силуэты небольшихъ горъ. Это отроги грозныхъ Дагестанскихъ великановъ сбѣжали къ равнинѣ и, завидя безпредѣльную гладь моря, какъ-то съежились, потеряли свои мощь и силу.

И когда изъ-за тучъ, нависшихъ надъ моремъ, брызнули лучи яркаго солнца,—горы потеряли свою загадочность, посмотрѣвъ на насъ знакомой зеленью невысокой лѣсной поросли, усѣявшей ихъ склоны.

По временамъ оглядываюсь назадъ и вижу, какъ грозные валы Каспія слились въ одну серебристую блестящую ленту...

Дорога, какъ колоссальная лента, прорѣзала яркую зелень степи и ушла далеко впередъ.

Ямщикъ нашъ совсѣмъ молодъ. Его безусое, сонное лицо выглядываетъ изъ-подъ лохматой папахи и выражаетъ очевидное нежеланіе везти насъ въ такой ранній часъ.

Надъ зеленью полей высоко висятъ жаворонки, и ихъ звонкія пѣсни радостнымъ гимномъ оглашаютъ свѣжій утренній воздухъ.

На двѣнадцатой верстѣ у крошечной грязной лавчонки начинается подъемъ, — неожиданно вырастаетъ цѣлая семья большихъ сѣрыхъ камней и между ними змѣей вьется дорога, уходя къ небольшому перевалу. Здѣсь мы слѣзли и пѣшкомъ по кратчайшей тропинкѣ взошли на перевалъ.

Вдали показался татарскій аулъ, прилѣпившійся своими сѣрыми скучными саклями къ склону изумрудной долины.

Первый перевалъ давалъ начало второму, болѣе высокому, и съ него открывалась синѣющая равнина, подходившая къ далекимъ голубымъ отрогамъ Дагестана.

Долго еще неслась наша тройка по скучной равнинѣ, прежде чѣмъ показался крошечный городокъ Темиръ-Ханъ-Шура, весь такой маленькій и такой одинокій среди этой широкой равнины и темныхъ величавыхъ горъ.

Отыскавъ сравнительно приличную гостиницу, мы наскоро умылись и поспѣшили на базаръ, который бываетъ здѣсь разъ въ недѣлю. Я всегда люблю посѣщать базарную площадь и наблюдать людскую толпу. На этотъ разъ судьба вознаградила меня интереснымъ зрѣлищемъ.

Въ центрѣ базарной площади тѣснымъ кольцомъ большая толпа легзиновъ и кумыковъ окружила канатнаго плясуна. Натянувъ канатъ между двумя высокими столбами, гимнастъ-лезгинъ продѣлывалъ диковинныя упражненія: ходилъ по канату съ бутылкой на головѣ, прыгалъ, танцовалъ на одной ногѣ, рискуя слетѣть на каменную площадь. На землѣ сидѣли музыканты—скрипачъ и кларнетистъ. Дикіе звуки восточной мелодіи воодушевляли плясуна, который въ своемъ пестромъ нарядномъ костюмѣ продѣлывалъ головокружительныя штуки. Толпа удивленно охала и дикими восклицаніями выражала свой восторгъ предъ смѣлостью и искусствомъ плясуна. А товарищъ фокусника, надѣвъ дьявольскую маску, ходилъ среди зрителей и собиралъ деньги. Мѣдныя монеты щедро сыпались въ кружку, съ которой обходилъ всѣхъ наряженный чортомъ лезгинъ...

Темиръ-Ханъ-Шура, хотя и областной городъ, но по своему крошечному размѣру и полной безжизненности производитъ удивительно тоскливое впечатлѣніе. Въ два-три часа мы осмотрѣли всѣ его достопримѣчательности, а потомъ отправились къ здѣшнему мировому судьѣ Пермякову, въ семьѣ котораго нашли пріютъ и скоротали время.

2.

— Въ горы, въ горы! Сейчасъ въ горы!

Такими восклицаніями встрѣтили мы почтовую тройку, которая подкатила къ подъѣзду нашей гостиницы. Ямщикъ, къ своему удовольствію, нашелъ насъ готовыми къ отъѣзду, и укладываніе вещей въ крохотную телѣжку заняло не больше пяти минутъ. Изъ Шуры идетъ шоссе на Гунибъ, ближайшую цѣль нашего путешествія.

Только-что выѣхали за городъ, какъ впереди на дорогѣ показалась группа кумыкскихъ женщинъ; при нашемъ приближеніи онѣ протянули поперекъ дороги веревку. Лошади, недоумѣвая, остановились. Изъ толпы выдѣлилась старуха съ безобразнымъ лицомъ и протянула руку. Оригинальный и не лишенный остроумія способъ выпрашивать милостыни.

Небо покрывалось тучами. Свинцовыя тяжелыя громады поднимались съ Каспія и спѣшили къ темнымъ грознымъ высотамъ Дагестана. Мы опасались, что дождь не только закроетъ отъ насъ панораму горъ, но и промочитъ насъ.

Маленькіе холмики, убранные золотистыми нивами, догоняя другъ друга, уходили къ подножію далекихъ горъ; небольшая рѣчушка все время шла вдоль шоссе, и ея невысокіе каменистые берега были безжизненны и пустынны.

Встрѣтили конвой — четыре вооруженныхъ солдата вели десять арестантовъ-туземцевъ. Арестанты были въ желѣзныхъ наручникахъ, шли въ пять паръ, всѣ связанные одной веревкой. Какое-то тупое равнодушіе выражали ихъ сѣрыя землистыя лица. Бросили бѣглый, ничего не выражающій, взглядъ на насъ и вновь опустили свои головы въ нахлобученныхъ мохнатыхъ папахахъ.

Наше предположеніе о дождѣ не подтвердилось,— тучи отнесло далеко въ сторону, небо очистилось, и мягкимъ тепломъ обвѣяло насъ золотистое поле хлѣбовъ.

Мѣрное постукиванiе о гладкое шоссе лошадиныхъ копытъ убаюкиваетъ меня, навѣваетъ дремоту, съ которой трудно бороться.

Часа черезъ два мы въѣзжали въ кумыкскiй аулъ Большой Дженгутай, бывшую резиденцiю мехтулинскихъ хановъ[1]). Грязныя сѣрыя сакли аула мало привлекательны. На плоскихъ крышахъ сидѣли праздные жители. Подъѣхали къ почтовой станцiи, перемѣнили лошадей и поѣхали дальше.

Черезъ нѣкоторое время мы начали подниматься,—шоссе подошло къ невысокимъ, украшеннымъ зеленью, горамъ. Справа появились скалы, все время слезящiяся и мѣстами дающiя начало крошечнымъ хрустальнымъ ручейкамъ. Утомившись однообразiемъ равнины, шоссе ползетъ вверхъ. И наша телѣжка прилипла къ гладкой дорогѣ и медленно подымается впередъ. Прошло много времени, и высокiй гребень перевала все маячитъ передъ нами и дразнитъ наше любопытство: что-то увидимъ оттуда?

Наконецъ, послѣ немалыхъ усилiй лошади втащили телѣгу на высшую точку перевала и остановились.

Ярко-зеленая, украшенная цвѣтущими хлѣбными полями, долина осталась гдѣ-то далеко внизу; ее пересѣкала бѣлая лента шоссе. Къ долинѣ шли сморщившiеся холмы, на которыхъ черными точками бродили стада домашняго рогатаго скота и овецъ. Какъ исполинъ всталъ скалистый, высокiй холмъ и на немъ прiютились крохотныя сакли. Это аулъ Гадаръ. Отъ него въ долину сбѣгала въ видѣ бѣлой узкой ленты дорога.

Въ дали на горизонтѣ подъ нависшими тучами блеснула широкая полоса Каспiйскаго моря.

Въ воздухѣ стоялъ бодрый переговоръ перепеловъ.

Мы догоняемъ скрипучiе обозы. Они безконечной вереницей идутъ въ глубь Дагестана. На туземныя арбы наложены бочки, ящики, доски. Меланхоличные, равнодушные ко всему на свѣтѣ, волы медленно переставляютъ ноги и, не удостоивъ насъ своимъ вниманiемъ, продолжаютъ тащить тяжести.

Проѣхали еще немного, и вдругъ изъ-за поворота вынырнула почтовая станцiя Кизильяръ. Отсюда дорога вьется зигзагами и незамѣтно поднимается на Бѣлую гору,—мелкая трава,

---

[1]) Кавказъ, до покоренiя его Россiей, былъ разбитъ на нѣсколько мелкихъ ханствъ и княжествъ.

украшенная альпійскими цвѣтами, покрываетъ ея склоны. Кой-гдѣ обнажаются мѣловые пласты Бѣлой горы, ослѣпительно-яркіе, начинающіе вывѣтриваться.

Опять утомительный спускъ, и дорога скрывается среди высокихъ оголенныхъ холмовъ. Однообразно и безотрадно. Только у лезгинскаго села Леваши появились высокія скалы, обрывы, изъѣденные глубокими впадинами—пещерами. Мѣстами къ дорогѣ подходили нагроможденные въ чудовищномъ безпорядкѣ камни — цѣлый хаосъ.

Заходило солнце, но сумерки уже наступили внизу, въ то время какъ макушки скалъ искрились золотомъ. Надъ маленькой рѣчушкой всталъ каменистый обрывъ. Въ его отвѣсныя стѣны были вкраплены большіе круглые, гладко отточенные, камни-голыши. Два подростка-лезгина сидятъ на краю обрыва, свѣсивъ свои босыя ноги, и оба играютъ на свирѣляхъ. Меланхоличный, хватающій за душу, мотивъ льется въ вечерѣющемъ воздухѣ. Позади мальчугановъ пасутся овцы и какъ будто вслушиваются въ эту печальную мелодію.

Внизу на плоскомъ берегу расположился на ночлегъ обозъ. Волы жуютъ траву, лежа, вращая своими крѣпкими челюстями, а сопровождающіе обозъ лезгины въ самыхъ непринужденныхъ позахъ устроились на землѣ и сладко отдыхаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ, ставъ на колѣни, совершаютъ вечернюю молитву.

Прохлада наступившаго вечера даетъ себя чувствовать, — мы находимся на высотѣ 3,755 футовъ. Накинули на себя бурки.

Показался аулъ Леваши. Въ воздухѣ звенитъ голосъ кукушки, привѣтствующей наступленіе вечера. А навстрѣчу ему льется гнусавый голосъ муллы,—это призывъ къ молитвѣ правовѣрныхъ проносится надъ ауломъ и идетъ дальше къ простору полей и скалъ.

Остановились ночевать въ небольшой комнатѣ для пріѣзжихъ, гдѣ за небольшую плату мы нашли вкусную яичницу и самоваръ.

3.

Еще нѣсколько верстъ среди неинтересныхъ, сѣрыхъ холмовъ, и шоссе врѣзалось въ ущелье. Высокія, безпорядочно изломанныя, дикія горы стояли по обѣимъ сторонамъ шоссе.

Дорога уходила внизъ, и стѣны ущелья сдвигались, наступали на насъ своей громадой. Какая-то рѣчонка струилась среди хаоса разбросанныхъ камней. Все меньше и меньше годной для посѣвовъ земли. На крошечныхъ клочкахъ-площадкахъ, размѣромъ не больше 10—15 кв. саженей, усердно работаютъ женщины. Одѣтыя въ черные халаты-платья, онѣ согнулись и маленькими цапками очищаютъ отъ сорныхъ травъ молодую кукурузу. Такъ усердно заняты своимъ дѣломъ, что не поворачиваютъ головы въ нашу сторону. Пришли сюда работать за нѣсколько верстъ, и ихъ мало тревожитъ южное солнце, прямые лучи котораго накаляютъ зноемъ все окружающее.

Житель Хаджалъ-Махи въ зимней шубѣ.

Вотъ аулъ Хаджалъ-Махи — обыкновенный лезгинскій аулъ съ грязными и узкими уличками, съ темными крохотными саклями. Грязный базаръ, гдѣ усталый взоръ встрѣчаетъ двѣ-три лавчонки и цѣлыя груды разбросаннаго мусора, ступить на который очень опасно, — большія полчища блохъ тотчасъ покроютъ ноги. Зато къ самому аулу подходятъ сочные зеленые сады. Они широкой полосой тянутся на нѣсколько верстъ по теченію рѣки. Но лезгины такъ привыкли къ скученности и грязи, что не пользуются просторомъ цвѣтущей долины и вдыхаютъ въ себя смрадъ своихъ ауловъ, — сады стоятъ у нихъ отдѣльно.

Дорога изъ Хаджалъ-Махи идетъ черезъ бурный Кази-Кумухскій Койсу. Это первая большая рѣка на нашемъ пути. Ея черныя бурливыя воды мчатся по порожистому руслу.

Лезгины отводятъ отъ рѣки широкія канавы для поливки своихъ садовъ. Многіе сады устроены террасами, симметрично возвышающимися другъ надъ другомъ.

Террасовые сады — очень интересное явленіе въ Дагестанѣ и создаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ лезгинскихъ женщинъ. Имъ приходится на своихъ спинахъ таскать мѣшки съ землей на большую высоту, чтобы на безжизненномъ гнейсѣ или сланцѣ вырастить крошечные, ласкающіе взоръ, сказочно-

Купинскій аулъ.

красивые садики, такъ привѣтливо улыбающіеся своей кудрявой зеленью.

Опять встрѣчаемъ женщинъ и дѣвочекъ — онѣ работаютъ надъ очищеніемъ своихъ кукурузныхъ полей.

Проѣхали аулъ Купи. Его сакли висятъ надъ громаднымъ отвѣсомъ. Одно легкое колебаніе почвы, и, кажется, ринутся

въ бездну жалкія, прилѣпившіяся къ самому краю, сакли. Въ этой обстановкѣ опасности закаляется духъ горца, воспитывается его безстрашіе и отвага съ первыхъ же дней жизни.

4.

Видъ съ Купинскаго перевала настолько захватывающій, настолько величественный и своеобразный, что мы долго любуемся имъ, изумленные, ошеломленные. Сразу неожиданно выростаютъ чудовищной величины горы, изрѣзанныя страшными пропастями, пересѣченныя глубокими, узкими ущельями.

Волшебный рѣзецъ времени прошелся по этимъ оголеннымъ великанамъ и создалъ самыя причудливыя очертанія, самыя затѣйливыя формы. И всѣ эти скалистые изломанные горные кряжи сіяли дивнымъ разнообразіемъ красокъ — свѣтло-желтый налетъ однихъ смѣнялся аквамариновымъ блескомъ другихъ и едва примѣтной голубой дымкой самыхъ отдаленныхъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этого величественнаго хаоса горъ, оголенныхъ и точно только-что родившихся, стояли грозные массивы, украшенные снѣгами. И столько было дикой прелести въ этой панорамѣ горъ!

Однако ямщикъ торопилъ насъ.

Начался стремительный спускъ среди той же волшебной картины.

По дорогѣ наблюдаемъ сакли-гнѣзда.

Когда безземелье влечетъ за собой призракъ голода, лѣнивый и малоподвижной лезгинъ дѣятельно начинаетъ искать какой-нибудь, обезпечивающій его жалкія потребности, клочокъ земли. Въ своихъ поискахъ онъ нерѣдко подходитъ къ макушкѣ скалистыхъ гребней, если только встрѣчаетъ тамъ живительный родникъ воды. Наскоро сооружаетъ себѣ саклю съ однимъ-двумя маленькими оконцами и разводитъ вокругъ кукурузу или садикъ. Главную работу и здѣсь выполняетъ женщина. Иногда два-три такихъ горемыки поселяются рядомъ и образуютъ хуторъ.

Эти хутора ушли въ такую высь, гдѣ вьютъ свои гнѣзда орлы. Я вижу, какъ узенькая тропка, проходя надъ страшными пропастями, поднимается къ такому хутору.

Мы мчимся внизъ по шоссе, которое описываетъ причудливыя петли. Блеснулъ на солнцѣ Кара-Койсу. Вотъ онъ подо-

шелъ къ скалѣ, прорѣзалъ въ ней узенькую щель и понесся дальше. Черезъ щель на большой высотѣ перекинутъ мостикъ, а къ нему притиснулись громадныя высоты.

А вотъ и Салтинская щель. И здѣсь Кара-Койсу втиснулся въ каменныя громады, разорвалъ ихъ и, непобѣдимый, протестующій, понесъ свои мутныя воды впередъ, чтобы выйти на вольный

Ущелье рѣки Койсу.

степной просторъ. Салтинскія скалы висятъ отвѣсно. Вотъ онѣ близко, совсѣмъ близко, подошли другъ къ другу—красивый Георгіевскій мостъ виситъ надъ шумнымъ Койсу въ этомъ мѣстѣ.

Царь горныхъ высотъ—орелъ—свилъ себѣ гнѣздо на отвѣсномъ утесѣ Салтинской щели и, чувствуя полную безопасность, высоко паритъ въ чистомъ голубомъ небѣ.

Впереди блеснулъ своей замѣчательной красотой Гунибъ.

Лезгины.

I.

Трудно сказать, когда дагестанскіе горцы впервые поселились среди этихъ дикихъ малоприступныхъ скалъ; когда они сдѣлались обитателями горныхъ твердынь, гдѣ властелинами раньше были черно-бурые грифы да угрюмые беркуты. Исторія не имѣетъ пока данныхъ отвѣтить на этотъ интересный вопросъ, благодаря отсутствію письменныхъ памятниковъ.

Дикая, мрачная природа Дагестана положила суровый отпечатокъ на своихъ обитателей. Она закалила человѣка, стерла въ немъ нѣжныя мягкія чувства, пріучила его къ необыкновенному самообладанію и ловкости.

Виситъ, какъ гнѣздо орла, горскій аулъ надъ темной пропастью—внизу постоянный зовъ смерти, сверху узенькій голубой клочокъ неба, гдѣ рѣютъ орлы, бросая тревожные крики. И въ такой обстановкѣ рождаются и выростаютъ горцы, безстрашные, сильные и ловкіе.

Имъ любы и дороги эти нависшія сѣдыя скалы, эти тяжелые массивы, изрѣзанные пропастями. Они съ удовольствіемъ слушаютъ музыку говорливыхъ серебристыхъ потоковъ, прекрасно понимаютъ языкъ дикихъ звѣрей и пернатыхъ могучихъ хищниковъ, разсѣкающихъ стальными крыльями воздухъ.

Часто совершенно непроходимыя пропасти отдѣляютъ другъ отъ друга горскіе аулы, и люди живутъ въ нихъ замкнуто, не зная другъ друга. Вотъ почему ни въ какой другой части Кавказа не встрѣчается столько языковъ и нарѣчій, сколько въ Дагестанѣ.

Природа здѣсь неумолима къ человѣку, и онъ слишкомъ безпомощенъ вступать съ ней въ борьбу. Цѣлый міръ самыхъ причудливыхъ, самыхъ загадочныхъ явленій тревожитъ младенческій умъ дикаря-горца и наполняетъ душу страхомъ Отсюда вѣра во всевозможныя сверхъестественныя существа, которыя властвуютъ надъ человѣкомъ.

Исламъ (магометанство) проникъ въ Дагестанъ въ VIII вѣкѣ. Его принесъ вождь сирійцевъ—Абу-Муслемъ, покорившій Дагестанъ и насадившій исламъ силой меча.

Исламъ оставилъ слѣды на многихъ формахъ общественнаго устройства, и по этимъ слѣдамъ, по этимъ отдѣльнымъ

намекамъ есть возможность нарисовать общую картину жизни многихъ горскихъ племенъ въ отдаленное отъ насъ время.

Лезгинскія горскія племена еще очень рано признавали чисто народное управленіе. Имъ былъ чуждъ тотъ порядокъ безусловнаго подчиненія родоначальнику, какой господствовалъ среди многихъ другихъ народностей Кавказа. Вся жизнь дагестанскаго горца въ теченіе многихъ столѣтій держалась на признаніи власти народнаго обычая, или *адата*. Адатъ точно устанавливалъ право каждаго человѣка, указывалъ его обязанности.

Лезгины справляютъ свадьбу. Женщины отплясываютъ лезгинку.

Кѣмъ впервые былъ установленъ этотъ порядокъ,—неизвѣстно. Но каждый честный горецъ-дагестанецъ слѣпо подчинялся обычаю, если бы даже обычай этотъ былъ гибеленъ для него.

— Тотъ, кто рѣшаетъ дѣла по адату, становится соучастникомъ Бога.

Адатъ—цѣлый сборникъ правилъ нравственности и мѣръ наказанія за нарушеніе ихъ. Почти въ каждомъ селѣ былъ свой особый, освѣщенный вѣками, адатъ.

Судъ же по адату ввѣрялся народнымъ избранникамъ, обыкновенно лицамъ, извѣстнымъ своею безукоризненной нравствен-

ностью. Такіе судьи избирались на небольшой срокъ. Судебное разбирательство шло на площади въ присутствіи міра. Старики обязаны были находиться тутъ же и высказывали свое мнѣніе подъ диктовку совѣсти—они одобряли или порицали судей. По адату налагались самыя разнообразныя наказанія на виновнаго, исключая смертной казни.

Страшнымъ зломъ въ Дагестанѣ, какъ вообще на Сѣверномъ Кавказѣ, было рабство. Рабы здѣсь дѣлились на совершенно безправныхъ и правныхъ или на безадатныхъ и адатныхъ. Послѣдніе имѣли нѣкоторое преимущество предъ безправными, которые считались простою вещью. Всѣ рабы запрягались въ тяжелую работу по требованію своего господина. И уже долго спустя послѣ паденія крѣпостного права потомки свободнаго сословія старались подчеркнуть свое кровное превосходство надъ потомками рабовъ. Въ одномъ аулѣ Гунибскаго округа разъ въ недѣлю, въ пятницу, лезгины обходятъ всѣхъ, чьи предки были раньше рабами, и говорятъ каждому изъ нихъ:

— Помни, ты происходишь отъ раба.

А въ другомъ аулѣ въ извѣстный день въ году потомки всѣхъ освобожденныхъ рабовъ должны были покидать свои дома на всю ночь, и въ это время въ нихъ врывались толпы молодежи и распоряжались всѣмъ съѣстнымъ.

Рабство было уничтожено въ 1867 году, спустя восемь лѣтъ послѣ покоренія Дагестана.

2.

Ни одна изъ обитаемыхъ людьми странъ на всемъ земномъ шарѣ не перерѣзана такъ пропастями въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, какъ Дагестанъ.

Его массивные сланцы и известняки не доступны обработкѣ, и только тотъ цѣнный слой земли, который столѣтіями сползалъ и стекалъ въ долины съ горъ, образуетъ богатые и плодородные участки, покрытые фруктовыми деревьями.

Иногда и на большой высотѣ глазъ встрѣчаетъ среди мрачныхъ сланцевъ зеленѣющій клочокъ земли. Это маленькіе садики или поля горцевъ. И если эти крошечныя площадки пріятно ласкаютъ глазъ, то въ этомъ виновата женщина-лезгинка. Съ рискомъ слетѣть въ пропасть, взбирается она на эти непри-

ступныя скалы и крючковатой мотыкой разрыхляетъ землю, унаваживая ее, поливая кровавымъ потомъ.

Сѣютъ въ Дагестанѣ самые разнообразные злаки. Въ долинахъ, гдѣ тепло, растетъ превосходная кукуруза, просо, немного повыше пшеница, а на высотахъ—рожь и ячмень. До смѣшного малы участки годной для обработки земли—нерѣдко всего нѣсколько квадратныхъ саженей.

Сады пріютились около рѣкъ. Въ садахъ растутъ: персики, яблоки, груши, грецкіе орѣхи, сливы, алыча, миндаль, черешня,

Молотьба хлѣба. Женщина погоняетъ воловъ, которые тащатъ доску, усѣянную острыми кремнями.

но преобладаетъ надъ всѣмъ курага (родъ абрикоса). Громадные урожаи фруктовъ и невозможность вывоза обезцѣниваютъ ихъ. Чтобы продать десятка два пудовъ кураги лезгинъ отправляется въ далекій путь, часто за двѣсти верстъ. Шагомъ ѣдетъ тяжеловѣсная скрипучая арба съ фруктами, лѣниво подгоняетъ буйволовъ лезгинъ, и путешествіе длится иногда дней десять туда и обратно. И это для того, чтобы выручить 10—15 рублей... Въ аулахъ, лежащихъ ближе къ Прикаспійской низменности, занимаются виноградарствомъ.

Земля въ Дагестанѣ не можетъ быть надежной кормилицей, и жители, чтобы не умереть съ голоду, занимаются кустарными и отхожими промыслами.

Лезгины — великолѣпные кустари. И въ каждомъ округѣ есть своя особая отрасль производства. Трудъ по выдѣлкѣ различныхъ предметовъ между мужчиной и женщиной точно распредѣленъ. Мужчины занимаются обработкой металла, кожи, дерева, кости, а женщины — шерсти. Есть аулы, которые славятся удивительной выдѣлкой золотыхъ и серебряныхъ вещей. Я видѣлъ вещи изъ рога и перламутра съ золотой насѣчкой— настоящій шедевръ искусства. Поразительный вкусъ, изумительное умѣнье сочетать тона и линіи. Многіе занимаются выдѣлкой холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, приготовленіемъ тростей, подсвѣчниковъ, чернильныхъ приборовъ. Вещи эти кропотливо изготовляются въ осенніе и зимніе мѣсяцы, а затѣмъ развозятся по всей Россіи и сбываются болѣе всего на кавказскихъ лѣтнихъ курортахъ.

Въ аулѣ Сулевъ-Кентъ жители основали настоящую коммуну-артель. Отдѣльными партіями они ходятъ по Дагестану, зарабатываютъ деньги и, вернувшись домой, дѣлятъ прибыль поровну—отсчитываютъ и на долю тѣхъ, кто оставался дома.

Многихъ нужда гонитъ вонъ изъ дому, и такіе горемыки расходятся на заработки въ разныя мѣста Россіи. Главныя массы идутъ въ Закавказье и Закаспійскій край. Идутъ на черныя работы.

3.

Гость въ Дагестанѣ, какъ вообще у горцевъ Кавказа, особа неприкосновенная: онъ посылается Богомъ. И лезгины считаютъ своимъ долгомъ принять гостя, угостить его и оберегать все время, пока онъ подъ ихъ кровлей. Украсть что-нибудь у гостя или вообще нанести ему вредъ или оскорбленіе считается позоромъ. У горцевъ даже сложился вѣками особый обычай гостепріимства, или куначество. Кунакъ—близкій, дорогой человѣкъ. Для него открыты всегда двери сакли; онъ всегда найдетъ теплый, радушный пріемъ. Каждый горецъ имѣлъ близкаго пріятеля *(камаличу)* во всѣхъ аулахъ, куда онъ отправлялся по своимъ дѣламъ. Обычай останавливаться у кумаличи переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кунакъ и камаличу—это члены какъ бы одной семьи...

Второй, бросающійся особенно въ глаза, обычай горцевъ— это кровавая месть.

„Только кровью можно смыть обиду или преступленіе", и

теперь думаетъ горецъ. И пускаются въ ходъ самыя невѣроятныя хитрости, чтобы отмстить обидчику. Такъ, въ Дагестанѣ кровомщеніе позволяется только между лицами одного сословія. Если дворянинъ (бекъ) убьетъ узденя (свободнаго поселянина), то за это подвергается изгнанію на три мѣсяца. Затѣмъ убійца возвращается, а родные убитаго *должны* за опредѣленное вознагражденіе помириться съ нимъ. Виновный въ убійствѣ раба уплачиваетъ его владѣльцу извѣстную плату. Если же рабъ убьетъ кого-нибудь другого сословія, то онъ не подвергается кровомщенію: за него отвѣчаетъ его хозяинъ. Мстить рабу считается ниже человѣческаго достоинства.

Убійца, котораго ждутъ преслѣдованія родственниковъ убитаго, обыкновенно приговаривается своимъ обществомъ къ изгнанію. Это дѣлается для того, чтобы труднѣе было его разыскать и наказать. Такой изгнанникъ называется *канлы*.

Мстителемъ долженъ быть ближайшій родственникъ потерпѣвшаго, а если нѣтъ родныхъ,—то вѣрный другъ его. Есть преступленія, за которыя отвѣчаютъ нѣсколько человѣкъ. Напримѣръ, за убійство кадія (духовное лицо) выбираются семь человѣкъ канлы.

Изгнанный и преслѣдуемый мстителями, канлы ведетъ скитальческую жизнь. Онъ знаетъ, что его каждую минуту можетъ настигнуть смерть, поэтому онъ и скитается съ мѣста на мѣсто. Въ знакъ раскаянія онъ отпускаетъ длинные волосы.

Если канлы попадаетъ въ чью-нибудь саклю, то пріютившій его старается примирить его съ родственниками убитаго. Выдать канлы при этомъ хозяинъ считаетъ позоромъ, который навѣки ляжетъ на его фамилію. Кровомщеніе особенно ужасно, когда ведется не между отдѣльными лицами и семействами, но между цѣлыми родами. Тогда оно длится долгіе годы, переносится изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ одномъ аулѣ произошелъ такой случай. Два лезгина поссорились изъ-за курицы, подрались и во время драки одинъ убилъ другого. Началась кровавая месть и продолжалась цѣлыхъ *двѣсти лѣтъ*. Въ другомъ селеніи въ Андіи драка на почвѣ кровомщенія продолжалась нѣсколько дней, и истреблены были почти всѣ жители аула.

Если удастся устроить примиреніе убійцы съ родственниками убитаго, то убійца возвращается въ свое общество.

Оригиналенъ обрядъ примиренія у племени кюринцевъ. Когда родственники убитаго прощаютъ убійцу за извѣстное

вознагражденіе, то самого убійцу наряжаютъ въ саванъ и черезъ плечо перекидываютъ ему шашку. Въ такомъ нарядѣ убійца, сопровождаемый стариками и почетными лицами, подходитъ къ дому потерпѣвшаго съ повинной головой. Къ воротамъ выходитъ кто-нибудь изъ родственниковъ убитаго и снимаетъ съ убійцы шашку, саванъ и гладитъ его по головѣ. А мулла въ это время читаетъ Коранъ. Такъ совершается примиреніе.

Въ домашней жизни лезгинъ отличается крайней лѣнью и полнымъ пренебреженіемъ къ женѣ.

Женщина въ Дагестанѣ работаетъ, какъ вьючный скотъ. Сплошь и рядомъ несложное хозяйство горца только и держится трудами женщины.

Всякій лезгинъ стремится обучать своихъ дѣтей грамотѣ, чтобы въ будущемъ они могли читать Коранъ. Это единственная цѣль обученія. Обучаетъ дѣтей грамотѣ мулла обыкновенно въ какомъ-нибудь жалкомъ помѣщеніи рядомъ съ мечетью. Учащіяся дѣти располагаются на земляномъ полу, и передъ каждымъ изъ нихъ находится плоскій камень, замѣняющій столъ. Иногда для удобства впереди лежитъ толстое бревно, на которое дѣти упираются локтями.

Когда ученики усвоятъ арабскую азбуку, мулла заставляетъ ихъ читать Коранъ, а самъ переводитъ его на туземный языкъ—въ этомъ и заключается многочасовой урокъ.

Чтеніемъ Корана и усвоеніемъ начальныхъ основъ мусульманской вѣры заканчивается первая ступень образованія. Это достигается въ нѣсколько лѣтъ, и юноши, прошедшіе эту ступень, называются суфіями. Еще нѣсколько лѣтъ упорной работы надъ арабскимъ языкомъ и Кораномъ, — и выходятъ муллы (священники). Мулла умѣетъ переводить Коранъ на туземный языкъ и пишетъ грамотно по-арабски. Высшая же степень мусульманской учености—*алима*. Алимъ знакомъ съ реторикой, логикой и мусульманскимъ законовѣдѣніемъ. Достигши высшаго образованія, горецъ забрасываетъ совершенно (да онъ и отвыкъ уже) физическій трудъ, занимаясь легкой наживой, обирательствомъ невѣжественныхъ людей.

Русскихъ школъ въ Дагестанѣ немного, и къ нимъ относятся враждебно муллы.

Всѣ дагестанцы религіозны, многіе фанатично религіозны: муллы научаютъ враждебно относиться ко всякой наукѣ, къ движенію свободной мысли. Они всячески стремятся удержать

народъ въ рамкахъ мусульманской религіи и часто прибѣгаютъ для этого къ самымъ невѣроятнымъ разсказамъ.

Вотъ какъ они рисуютъ мусульманскій рай. Каждаго правовѣрнаго въ райскихъ вратахъ встрѣтятъ шестьдесятъ красивыхъ гурій. Съ звучными, пріятными пѣснями онѣ отведутъ его въ роскошный домъ, выстроенный изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней: алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ. Въ домѣ будетъ семьдесятъ комнатъ, убранныхъ съ царскимъ великолѣпіемъ. Услуживать правовѣрному будутъ тѣ же гуріи, одѣтыя

Ученики Хаджалъ-Махинской школы. Справа сидитъ учитель.

въ платья, слѣпящія глазъ своей бѣлизной. Праведные въ раю будутъ великанами, необыкновеннаго роста.

Или вотъ какія награды сулятъ муллы женщинѣ, угождавшей въ семейной жизни своему мужу и готовившей ему ужинъ во время рамазана [1]).

Каждая ночь поста приноситъ такой женщинѣ какое-нибудь новое благо. Въ первую ночь Богъ пошлетъ 70.000 ангеловъ, которые понесутъ счастливой женѣ 40.000 дворцовъ изъ краснаго яхонта. Въ девятую ночь подаритъ ей Богъ 100,000 городовъ изъ *зубаржада* (драгоцѣннаго камня). Въ двадцат

[1]) Постъ, когда днемъ нельзя ни ѣсть, ни пить, — зато разрѣшается обильно кушать ночью.

пятую дастъ ей два халата изъ райской матеріи, чтобы одѣть ее въ нихъ въ день воскресенія.

Въ тридцатую ночь она явится въ рай верхомъ, въ сопровожденіи 70.000 ангеловъ, а 1.000 ангеловъ будутъ держать поводья, украшенные яхонтомъ. Голова святой женщины будетъ украшена короной изъ свѣта, и лицо ея будетъ похоже на полнолуніе. И тогда Богъ прикажетъ ангеламъ служить ей за то, что она усердно служила мужу и его гостямъ во время рамазана.

И всѣ эти блага обѣщаютъ муллы женщинѣ, чтобы вѣрнѣе поработить ее, чтобы сдѣлать ее безсловесной рабой мужа.

Среди магометанъ въ Дагестанѣ сохранилось преданіе, что исламъ былъ сюда принесенъ потомками двухъ дядей Магомета, Гамзата и Аббаса. Народъ относится съ большимъ уваженіемъ къ родственникамъ святого Магомета, и тамъ, гдѣ, по преданію, сохранились могилы такихъ лицъ, собираются до сихъ поръ цѣлыя толпы для поклоненія. Особеннымъ почтеніемъ пользуются могилы сродниковъ пророка въ селѣ Отемашѣ. Сюда стекается чуть не все населеніе Дагестана, чтобы испросить у святыхъ исцѣленіе отъ своихъ болѣзней. Вокругъ Отемаша нѣсколько кургановъ различной формы и величины. Они увѣнчаны деревянными палками, на которыя суевѣрные мусульмане навѣшиваютъ тряпочки, ленточки и всякія бездѣлушки. Около одного изъ кургановъ построена молельня подъ названіемъ Халватъ (уединеніе). Въ этой молельнѣ правовѣрные предаются молчаливому созерцанію Бога.

Своеобразны сказанія дагестанцевъ; въ нихъ нерѣдко чувствуется отголосокъ первобытной старины. О происхожденіи дня и ночи, напримѣръ, существуетъ такое повѣрье.

Солнце и луна были родными братомъ и сестрой. Когда они были маленькими, то не выходили на небо и, только сдѣлавшись взрослыми, бросили жребій: кому свѣтить днемъ и кому ночью. Солнце съ неудовольствіемъ приняло на себя новую работу. Люди же любовались его красотой и даже задумали похитить его; тогда солнце стало бросать длинныя иглы и колоть глаза всякому, кто смотритъ на него.

О затменіи солнца и луны сохранилась такая легенда. Раньше Аллахъ уничтожалъ огнемъ цѣлое село или городъ, если въ немъ находился хоть одинъ закоренѣлый грѣшникъ. Когда же на землю явился пророкъ Магометъ, то онъ упро-

силъ Бога не истреблять невиновныхъ и наказывать грѣшниковъ въ загробной жизни. Богъ исполнилъ желаніе пророка, но съ тѣхъ поръ время отъ времени схватываетъ солнце и луну раскаленными щипцами и прекращаетъ ихъ свѣтъ, чтобы напомнить людямъ объ ихъ грѣхахъ.

Землетрясеніе легенды Дагестана объясняютъ такъ:

Земной шаръ покоится на спинѣ краснаго быка, который обыкновенно стоитъ неподвижно. Но когда быка начинаетъ кусать огромной величины комаръ, онъ дѣлаетъ прыжокъ, и земля трясется.

Громъ происходитъ оттого, что Богъ посылаетъ ангела съ кнутомъ разогнать тучи.

По мнѣнію дагестанцевъ, на сѣверѣ есть страна, гдѣ мужчины по ночамъ обращаются въ собакъ. Одинъ лезгинъ какъ-то попалъ вечеромъ къ этому народу въ гости. Хозяйка того дома, гдѣ онъ остановился, послѣ ужина уложила его спать на крышу, чтобы мужъ, обратившись въ собаку, не растерзалъ гостя.

Есть у лезгина интересное повѣрье о красной женщинѣ, или *алпабъ*.

Алпабъ происходитъ отъ нечистаго духа—дьявола. Она ростомъ съ трехлѣтняго ребенка; волосы ея ярко краснаго цвѣта и покрываютъ сплошь все тѣло. Живетъ она въ лѣсахъ у береговъ хрустальныхъ родниковъ. Цѣль ея жизни—извести родъ человѣческій. Тайно, невидимо пробирается она въ жилища людей и вытаскиваетъ у женщинъ внутренности: легкія, печень, селезенку. Трудно съ нею бороться, но все-таки есть средства избавиться отъ ея мученій.

Недалеко отъ лезгинскаго хутора Хараკана есть безводныя скалы съ пещерами. Здѣсь нѣкогда жили великаны, называвшіеся *деулерами*, отчего и вся страна стала называться Деустаномъ (Дагестаномъ).

Когда наступаетъ засуха, лезгины отправляются въ пещеры, достаютъ кости великановъ и, читая извѣстныя молитвы, мочатъ ихъ въ водѣ и этимъ устраняютъ бездождіе.

4.

Ни одна часть Кавказа не имѣетъ такого разнообразія и такого множества нарѣчій, какъ Дагестанъ. Дикія и неприступ-

ныя скалы страны способствовали тому, что горскія племена до сихъ поръ сохраняютъ свои особенности и свой языкъ.

Аварскій языкъ встрѣчается здѣсь чаще всего; на этомъ языкѣ говорятъ очень многія горскія племена, и въ Дагестанѣ онъ имѣетъ значеніе международнаго.

Въ долгіе зимніе вечера, когда на дворѣ такъ холодно, неуютно, собираются старики у очага и забавляютъ другъ друга сказками, или говорятъ о подвигахъ любимаго своего недавняго героя Шамиля.

Наивны и просты сказки этого народа, дѣтски простодушнаго и довѣрчиваго.

Привожу одну изъ такихъ сказокъ.

Жилъ когда-то въ Дагестанѣ человѣкъ, котораго звали Булатъ. Единственнымъ богатствомъ этого мужичка была лошадь, съ которой онъ никогда не разставался. Однажды случилось такъ, что любимая и единственная лошадь Булата исчезла. Долго искалъ ее огорченный хозяинъ и на третій день нашелъ въ полѣ. Стреножилъ онъ ее и самъ забрался въ какой-то чужой сѣнникъ и спрятался, зарывшись въ сѣно. Спустя нѣкоторое время сюда явились двое: мужчина и дѣвушка. Зажгли свѣчу и начали ѣсть принесенный съ собой пирогъ. Скоро мужчина спрашиваетъ дѣвушку:

— Когда ты меня полюбила?

Она отвѣчаетъ:

— Когда сѣлъ ты на лошадь и хлестнулъ ее кнутомъ. А ты когда меня полюбилъ?—спросила въ свою очередь дѣвушка.

— А когда ты стояла у фонтана и, набравъ воды въ кувшинъ, вскинула его на спину.

Послѣ этого небольшого разговора мужчина усѣлся на камень, какъ на лошадь, и говоритъ:

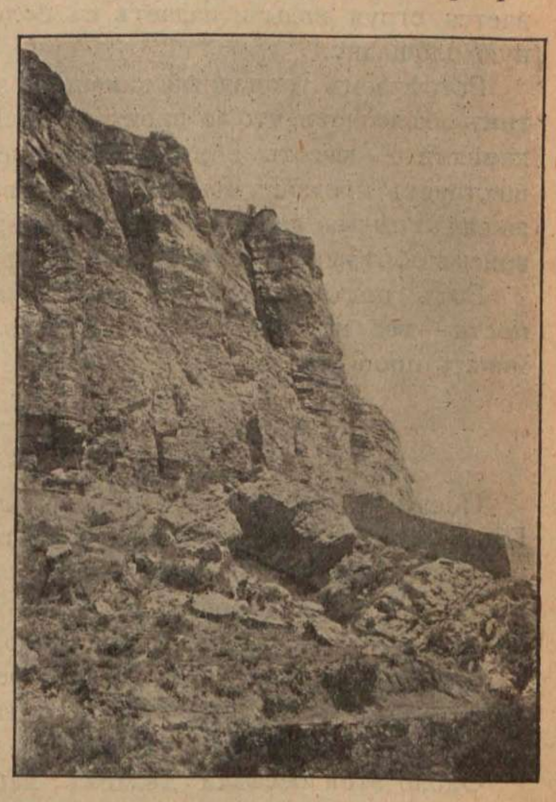
— Вотъ такъ я сидѣлъ на лошади, когда тебя увидѣлъ.

Дѣвушка взяла камешекъ и хотѣла его вскинуть себѣ на спину. И въ этотъ моментъ Булатъ, думая, что камнемъ хотятъ ударить его, бросился на людей. Они тотчасъ же убѣжали, а пирогъ достался лошади...

Въ убѣжищѣ Шамиля.

I.

Солнце заходило, когда мы подъѣзжали къ Гунибу. Громадное плато этой величественной природной крѣпости поднималось отвѣсными стѣнами на страшную высоту. Суровыми, мощными напластованіями легли каменные кряжи плато, увѣнчанные ласковой зеленью альпійскихъ луговъ. Серебряныя ленты водопадовъ повисли въ дрожащемъ свѣтѣ угасающаго дня. На гребнѣ Гуниба, у самаго обрыва, какъ-то совсѣмъ неожиданно выросъ бѣлый двухъэтажный домъ, окруженный цѣлой семьей серебристыхъ тополей. Это домъ начальника Гунибскаго округа и бывшій дворецъ императора Александра II; въ немъ царь проѣздомъ черезъ Дагестанъ прожилъ нѣсколько дней.

Гунибъ. Крѣпостная башенка на утесѣ.

Тяжелый, крутой подъемъ ведетъ къ Гунибу, и съ каждымъ новымъ поворотомъ расширяется рамка прелестнаго горнаго пейзажа. Подъѣзжаемъ къ поселку Гунибъ. Въ вечернемъ сумракѣ тонутъ крѣпостныя сооруженія, опоясавшія выступъ грандіознаго плато. Показались сады и огороды, въ которыхъ усердно работали солдаты мѣстнаго гарнизона. Догорала на западѣ заря, и легкія облачка, висѣвшія надъ Гунибомъ, окаймились золотистымъ бордюромъ.

Вечеромъ мы были любезно приняты начальникомъ округа,

который обѣщалъ намъ утромъ доставить верховыхъ лошадей для прогулки по всему Гунибскому плато, имѣющему въ окружности около двадцати верстъ.

Усталые и довольные впечатлѣніями дня, легли мы спать въ крошечной комнатѣ почтовой станціи. На слѣдующее утро въ назначенный часъ были поданы осѣдланныя лошади, на которыхъ мы отправились, запасшись провизіей, на плато или Верхній Гунибъ. Узкая дорожка поднимается вверхъ. За первымъ поворотомъ изъ скалистой стѣны съ шумомъ вырывается струя воды и падаетъ съ большой высоты на каменную площадку.

Встрѣчаемъ громадный каменный завалъ. Проводникъ Багимъ объясняетъ, что во время осады Шамиль засыпалъ этими камнями съ высоты обрыва Ширванскій русскій полкъ. Существуетъ преданіе, что Шамиль на воловьихъ ремняхъ удерживалъ цѣлыя каменныя стѣны и при приближеніи нашихъ войскъ обрѣзывалъ ремни, и камни стремительно летѣли внизъ.

Вотъ подъѣзжаемъ къ развалинамъ Шамилевской крѣпости — все историческія мѣста, невольно заставляющія вспоминать прошлое.

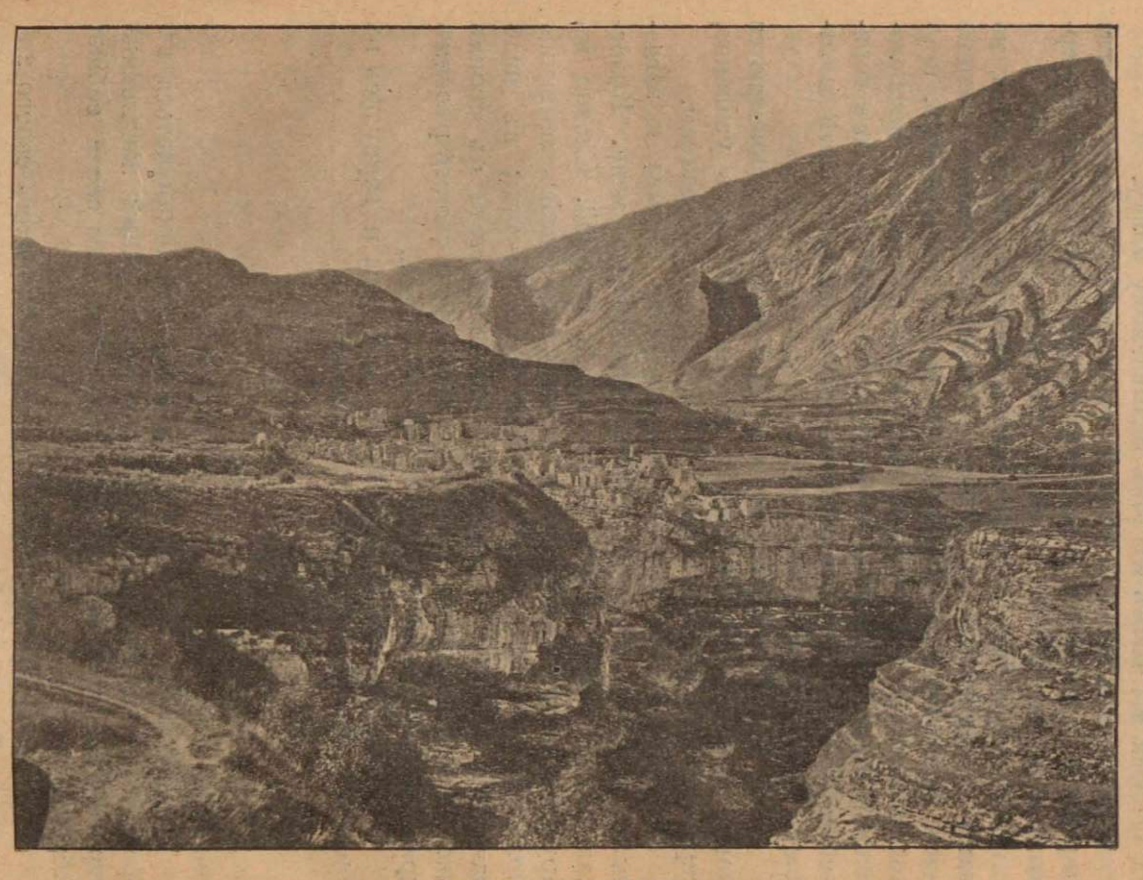
II.

Послѣ небольшихъ усилій взобрались на Верхній Гунибъ. Благоухаетъ пышный альпійскій цвѣтникъ, березовыя рощицы манятъ своей нѣжной прохладой, говорливые ручьи разбѣгаются во всѣ стороны, а солнце обливаетъ все яркимъ блескомъ. Здѣсь дышится такъ легко и хорошо.

На пути встрѣчаемъ маленькую бесѣдку и въ ней камень, на которомъ 25 августа 1859 г. сидѣлъ князь Барятинскій, принимавшій плѣненнаго Шамиля.

Около этой бесѣдки дѣлаемъ небольшой привалъ и съ обновленными силами движимся дальше.

Показался разрушенный нашими войсками въ 1859 г. аулъ Гунибъ. Мертвыя сѣрыя стѣны безъ крышъ навѣваютъ тоскливое чувство. Среди жалкихъ остатковъ лезгинскихъ сакль виднѣется единственный домикъ—это, по преданію, уцѣлѣлъ домъ Шамиля. Подъѣхали къ этому домику. Теперь здѣсь живутъ лѣсные стражники. Они намъ показали подземную тюрьму Шамиля, куда этотъ властелинъ горъ сажалъ за различныя провинности своихъ подчиненныхъ и плѣнныхъ.

Развалины аула Шамиля.

Тюрьма—это яма, выложенная камнемъ. Въ ней могло помѣститься три-четыре человѣка. Вся она снаружи обросла высокой крапивой и дикимъ щавелемъ.

Отсюда мы ѣдемъ къ такъ называемому маяку.

Маякъ—это высшая точка Гуниба, гдѣ сооруженъ въ видѣ пирамиды памятникъ солдатамъ-апшеронцамъ, которые первыми вошли на плато почти по отвѣсной крутизнѣ.

Дорожка часто теряется среди альпійскихъ пастбищъ, но нашъ проводникъ Багимъ прекрасно изучилъ плато и ведетъ насъ прямо къ цѣли. Предъ нами выростаетъ подъемъ, крутой и тяжелый. На него мы взбираемся пѣшкомъ, щадя лошадей. Здѣсь нѣтъ того зноя, который обвѣвалъ насъ горячей струей тамъ, внизу. Воздухъ слегка разрѣженный и отдаетъ пріятной свѣжестью.

Выше и выше поднимаемся мы. Трава мельчаетъ, появляются новые виды альпійской флоры. Легкія работаютъ усиленно, сердце бьется чаще и чаще. Наконецъ, мы у пирамиды.

Осторожно подхожу я къ самому краю обрыва и заглядываю впередъ. Жуткое чувство охватываетъ меня. Колоссальная отвѣсная стѣна стоитъ надъ бездной. Словно въ другомъ царствѣ, раскинулись далеко внизу мягкія зеленѣющія поля, игрушечные аулы, невысокія холмики-горы; въ видѣ какихъ-то странныхъ букашекъ бродили стада съ своими пастухами; горныя галки летали надо мной и своимъ рѣзкимъ крикомъ тревожили царившую тишину горъ...

Обратный путь мы проѣхали въ три часа и вернулись на почтовую станцію бодрыми и веселыми.

III.

Передъ выѣздомъ изъ Гуниба мы зашли попрощаться къ врачу, съ которымъ познакомились въ квартирѣ начальника округа. Врачъ былъ очень огорченъ болѣзнью своей собаки Абрека.

Курчавый черный Абрекъ не только охранялъ своего хозяина, но буквально былъ у него на посылкахъ; ходилъ въ лавочку съ корзинкой и запиской и приносилъ покупки, доставлялъ домой съ почты письма, врученныя ему почтовымъ чиновникомъ. А попалъ онъ къ врачу, переживъ цѣлую драму.

Принадлежалъ Абрекъ раньше одному офицеру. Когда

офицеръ умеръ, бѣдный песъ, почувствовавъ свое сиротство, нѣсколько дней, обнимая лапами кровать, на которой лежалъ его хозяинъ, жалобно вылъ. Врачъ, товарищъ покойнаго, взялъ собаку къ себѣ. Но не скоро привязался Абрекъ къ новому хозяину, зато, привязавшись, отдался ему всей своей собачьей душой.

Однажды врачъ серьезно заболѣлъ. Абрекъ, почувствовавъ бѣду, не отходилъ отъ кровати, ласково лизалъ руки больного и цѣлыми часами жалобно смотрѣлъ ему въ лицо.

Не такъ давно Абрека искусали собаки, отчего у него началось зараженіе крови—болѣзнь тяжелая и мучительная.

Мы остановились около умирающаго пса. Онъ такъ грустно и покорно смотрѣлъ на своего хозяина, дѣлая попытки еще вилять хвостомъ, что мы съ трудомъ удерживали слезы и поспѣшили выйти.

Шамиль.

I.

Еще въ XV столѣтіи русскіе начали селиться на рѣкѣ Терекѣ и постепенно начали сближаться съ кавказскими горцами и даже родниться съ ними. И благодаря тому, что русскіе колонисты относились съ уваженіемъ къ правамъ горцевъ, между ними и горцами существовали полный миръ и довѣріе. Однако, когда въ 1605 г. черезъ Дагестанъ проходилъ небольшой отрядъ русскихъ войскъ на помощь Грузіи, то онъ былъ уничтоженъ дагестанскимъ правителемъ, или шамхаломъ. Россія въ это время занята была важными внутренними дѣлами и какъ бы не обратила на это вниманія. Но чудная природа Кавказа привлекала къ себѣ русское правительство, и потому въ 1722 г. русскія войска появились вновь въ Дагестанѣ во главѣ съ Петромъ Великимъ. Отдѣльные аулы обращались силой огня и оружія въ пепелъ и развалины. Шахмалъ дагестанскій самъ пошелъ навстрѣчу могущественному русскому царю и покорился ему.

Но вскорѣ послѣ смерти Петра шамхалъ пересталъ признавать власть Россіи и возсталъ. Усмирять его отправились два генерала—Шереметевъ и Кропотовъ. Они сожгли 6100 домовъ, чѣмъ навели чудовищный страхъ на дагестанцевъ.

Черезъ шестьдесять лѣтъ императрица Екатерина Великая отправила цѣлую армію въ Закавказье „на освобожденіе Грузіи и подкрѣпленіе царя грузинскаго“.

При этомъ императрица совѣтовала начальнику арміи графу Зубову обращаться съ дагестанскими горцами человѣчно, мягко, чтобы „не возбуждать противъ себя взаимное отмщеніе цѣлаго народа и трудными походами въ ущелины не терять людей напрасно“.

Но Екатерина скончалась, и ея завѣтъ былъ забытъ.

Шамиль.

Съ начала девятнадцатаго столѣтія въ продолженіе долгихъ шестидесяти лѣтъ велась страшная и упорная борьба съ дагестанскими горцами, борьба, поглотившая много человѣческихъ жизней съ обѣихъ сторонъ.

Дагестанъ не легко было сломить силой оружія. Эта природная крѣпость съ суровыми скалами, съ гордыми, свободолюбивыми жителями казалась непобѣдимой.

Одинъ за другимъ погибали русскіе солдаты въ мучительныхъ походахъ на Дагестанъ. Цѣлую жизнь свою — вѣдь служба тогда продолжалась двадцать пять лѣтъ—они приносили въ жертву богу войны. Среди невѣроятныхъ горныхъ тропъ, подъ вѣчнымъ страхомъ погибнуть отъ вражеской пули или кинжала, двигались они,—двигались съ сознаніемъ, что не вернутся обратно. И таяла, рѣдѣла эта живая лавина, и постоянно пополняясь свѣжими силами.

Но горцы храбро защищали свои гнѣзда. Они тоже теряли силы, но не падали духомъ.

Большое воодушевленіе и полное единство среди горцевъ внесло новое магометанское ученіе Тарикатъ. Ученіе это требуетъ воздержанія отъ излишествъ, убійствъ, разбоя, ссоры, войны; рекомендуетъ настойчиво бороться со всякими дурными наклонностями и похотями и стремиться къ свѣту и истинѣ.

Послѣдователи этого ученія назывались *мюридами*. Но въ Дагестанѣ, да и вообще на Кавказѣ, мюридизмъ принялъ особую окраску: по ученію мюридовъ, никто изъ правовѣрныхъ не долженъ подчиняться тѣмъ, кто не заодно съ магометанами, т.-е. христіанамъ, и потому прежде всего должно одолѣть невѣрныхъ и свергнуть тяжелое иго, а потомъ уже заботиться о проведеніи въ жизнь святого ученія Тариката.

Вотъ почему мюриды находили въ себѣ столько мужества при непоколебимыхъ встрѣчахъ съ русскими. Они, какъ львы, бросались на отряды русскихъ войскъ, считая это доблестью, подвигомъ, священнымъ своимъ долгомъ.

Въ частной жизни мюриды были врагами роскоши и всякихъ тѣлесныхъ удовольствій.

Самыми яркими, самыми сильными мюридами въ Дагестанѣ были Кази-Мулла и особенно Шамиль.

Кази-Мулла первый объявилъ священную войну, или газаватъ, противъ русскихъ. Его призывъ нашелъ сочувственный откликъ среди дагестанскихъ племенъ, и подъ его знамя собралось много воиновъ, наскоро и плохо вооруженныхъ. Повстанцы осадили русскія укрѣпленія, разбросанныя въ Дагестанскихъ горахъ, и даже успѣли ворваться въ Кизляръ [1]), но сильный отрядъ русскихъ войскъ заставилъ Кази-Муллу отступить и запереться въ лезгинскомъ аулѣ Гимрахъ. Къ Гимрамъ было почти немыслимо пробраться по головокружительной тропинкѣ, и Кази-Мулла считалъ себя въ полной безопасности.

Однако отрядъ русскихъ солдатъ сдѣлалъ этотъ тяжелый переходъ, неся артиллерію на рукахъ, и неожиданно появился у Гимръ. Здѣсь во время жестокой схватки и погибъ Кази-Мулла.

Дѣло, начатое Кази-Муллой, продолжалъ знаменитый Шамиль.

2.

Шамиль родился въ 1798 г. въ аулѣ Гимрахъ, вблизи города Темиръ-Ханъ-Шуры.

Еще въ дѣтствѣ онъ проявлялъ незаурядныя склонности. Отецъ его былъ состоятельный человѣкъ, но любилъ преда-

---

[1]) Уѣздный городъ Терской области.

ваться пьянству, и маленькій Шамиль, уже успѣвшій ознакомиться съ предписаніями Корана, старался вразумлять отца наставленіями. Но старикъ не могъ оставить пагубной привычки. Напрасно Шамиль заставлялъ присягать отца не брать въ ротъ вина, а сосѣди насмѣхались какъ надъ отцомъ-пьяницей, такъ и надъ юнымъ трезвенникомъ. И вотъ вспыльчивый и самолюбивый мальчикъ рѣшилъ прибѣгнуть къ ужасному средству: онъ заявилъ отцу, что на его глазахъ убьетъ себя, если онъ не перестанетъ пить. И это такъ сильно потрясло отца, что онъ отказался навсегда отъ вина.

Шамиль росъ хилымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ, и одно время родные думали, что онъ вотъ-вотъ умретъ; чтобы избѣжать его смерти, они, по магометанскому повѣрью, перемѣнили ему имя—раньше его имя было Али.

Страсть къ книгамъ, къ наукамъ рано пробудилась въ ребенкѣ. Первымъ учителемъ Шамиля былъ его сподвижникъ по борьбѣ съ русскими Кази-Мулла. Отъ него Шамиль научился арабскому языку и правиламъ Корана и затѣмъ 14 лѣтъ продолжалъ серьезно и настойчиво изучать свою религію. Въ то время въ различныхъ мѣстахъ Дагестана жили ученые мусульмане—большіе знатоки Корана. Они-то и были наставниками даровитаго молодого человѣка. Даже взрослымъ, уже вторично женатымъ человѣкомъ, Шамиль не переставалъ учиться. Но отдавшись мусульманской наукѣ, Шамиль не забывалъ и того, что нужно было знать каждому горцу—тѣлесныя упражненія и фехтованіе; тѣлесныя упражненія на свѣжемъ воздухѣ закалили здоровье Шамиля.

Путемъ постоянныхъ упражненій онъ достигнулъ того, что могъ перепрыгивать черезъ веревку, натянутую на высотѣ трехъ аршинъ; какъ кавказскій туръ, перескакивалъ онъ черезъ широкія пропасти. Ловкость его поражала даже горцевъ. Круглый годъ Шамиль ходилъ босикомъ и съ открытой грудью, и онъ такъ окрѣпъ, что впослѣдствіи очень легко излѣчивался отъ пулевыхъ и штыковыхъ ранъ, полученныхъ на войнѣ.

Всегда живой, подвижной, онъ не чувствовалъ устали ни во время своихъ разъѣздовъ по глухимъ ауламъ, когда онъ призывалъ мусульманъ къ священной войнѣ, ни въ тяжелыхъ сраженіяхъ съ русскими.

Свою общественную дѣятельность Шамиль началъ съ 1828 г., когда ему исполнилось тридцать лѣтъ. Съ этого года

онъ сталъ первымъ помощникомъ Кази-Муллы. Въ Гимрахъ Кази-Мулла погибъ въ саклѣ, окруженной русскими солдатами. А Шамиль, бывшій тутъ же, съ поразительной ловкостью перепрыгнулъ черезъ головы солдатъ и бѣжалъ, жестоко израненный: онъ получилъ штыковую рану на-вылетъ.

Въ сентябрѣ 1844 г. народъ единогласно выбралъ своимъ духовнымъ вождемъ (имамомъ) Шамиля, слава о которомъ пробѣжала по всѣмъ угламъ Дагестана. Принявши на себя почетное и высокое званіе имама, Шамиль тотчасъ же при-

Шамиль на молитвѣ. *Съ картины Рубо.*

нялся за преобразованіе во внутреннемъ управленіи края. Онъ зналъ, какъ мало умѣютъ подчиняться извѣстному порядку горцы, сколько произвола въ ихъ частной и общественной жизни, онъ видѣлъ, какъ необычайно сложны управленіе и судъ по „адату“, и хотѣлъ прежде всего ввести простой и строгій порядокъ, для всѣхъ одинаковый и необходимый. А такія правила заключалъ въ себѣ шаріатъ, то-есть сборникъ письменныхъ (не устныхъ, какъ адатъ) постановленій, основанныхъ на Коранѣ.

— Кто не исполняетъ повелѣній шаріата, тотъ не долженъ жить, тому я буду рубить голову. Если я самъ сдѣлаю что-либо противное шаріату, рубите вы мнѣ мою голову.

Такъ говорилъ Шамиль и приводилъ свои слова въ исполненіе.

Раздѣливъ всю страну на особые отдѣлы, или наибства, онъ поставилъ въ управленіе отдѣлами особыхъ начальниковъ (наибовъ) и ввѣрилъ имъ гражданское и военное управленіе,— но лишилъ ихъ права начинать военныя дѣйствія и вводить новые законы.

Судебныя дѣла разбирали муллы и кадіи. Но приговоры этихъ судей передавались на усмотрѣніе наибовъ. Если возникали разногласія или та или другая сторона была недовольна, то за разрѣшеніемъ дѣлъ обращались къ имаму, власть котораго была неограничена.

Начальники отдѣловъ, или наибовъ, имѣли военныхъ помощниковъ, мюридовъ, управлявшихъ маленькими отрядами. Для наблюденій за дѣйствіями администраціи была учреждена должность „мухтасибы“—тайный агентъ высшей власти.

Высшимъ судебнымъ учрежденіемъ былъ верховный совѣтъ, или Диванъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ имамъ.

Засѣдали въ верховномъ совѣтѣ лица, пользовавшіяся прекрасной репутаціей и извѣстныя своею мусульманскою ученостью.

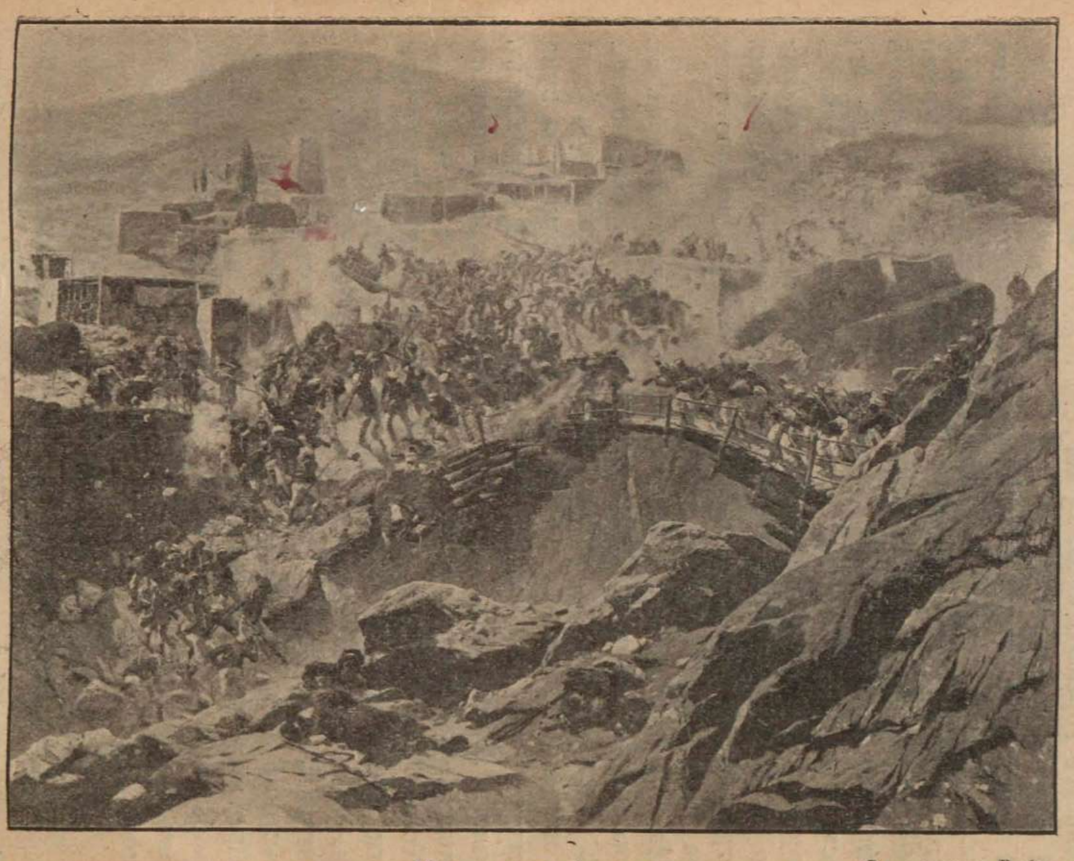
До Шамиля весь Дагестанъ былъ безпорядочнымъ скопищемъ отдѣльныхъ горскихъ племенъ, не имѣвшихъ между собой почти никакой связи. Теперь все преобразилось, приняло новый видъ.

Шамиль обязалъ каждаго лезгина, способнаго носить оружіе, имѣть при себѣ не менѣе ста боевыхъ патроновъ и быть всегда готовымъ къ призыву.

Самъ имамъ устроилъ въ Ведено литейный заводъ, а въ Гунибѣ и Унцукулѣ—пороховые заводы.

Поселился Шамиль въ аулѣ Ахульго. Этотъ аулъ стоялъ на высокой, крутой скалѣ, поднимавшейся надъ обрывистой пропастью. Когда Шамиль узналъ о движеніи русскихъ войскъ въ глубь Дагестана, то на этой природной крѣпости построилъ себѣ замокъ съ башнями-бойницами.

Въ работахъ принимали участіе инженеры. Шамиль не предполагалъ, что какая-нибудь сила въ мірѣ рѣшится брать приступомъ это горное каменное гнѣздо, и чувствовалъ себя въ безопасности. Сюда, въ Ахульго, явились лучшіе мюриды и здѣсь же жили въ качествѣ заложниковъ представители тѣхъ племенъ, которыя не пользовались довѣріемъ Шамиля.

Штурмъ аула Ахульго.

Съ картины Рубо.

Русскія войска подъ командой генерала Граббе, послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ стычекъ съ вооруженными отрядами имама, въ іюнѣ 1839 году появились подъ Ахульго и цѣлыхъ *одиннадцать недѣль* упорно дрались подъ стѣнками этого маленькаго горскаго аула. 23 августа произошелъ ожесточенный штурмъ крѣпости.

Горцы горячо защищали родное гнѣздо и сражались какъ львы. Женщины стояли съ шашками и ружьями въ рукахъ и воодушевляли братьевъ и мужей. Люди окончательно озвѣрѣли и лѣзли другъ на друга, презирая смерть и буквально купаясь въ крови. Непріятель все ближе и ближе подвигался къ неприступному аулу. Но горцы не дрогнули и съ прежнимъ мужествомъ продолжали борьбу. Сплошное облако дыма окутало сражавшихся густой пеленою—слышались стоны, крики, выстрѣлы. Но вотъ дыхнулъ вѣтеръ, разсѣялъ черную тучу дыма и открылъ страшное зрѣлище.

На маленькой площадкѣ стояло нѣсколько лезгинокъ въ разорванныхъ платьяхъ, съ дикими возбужденными лицами. Онѣ неистово кричали, призывая мужчинъ къ мщенію, а одна изъ нихъ, обезумѣвшая отъ крови и ужаса, подняла на руки своего ребенка, ударила его головой о камень и бросила въ пропасть. А вслѣдъ за нимъ и сама бросилась, страшная, съ длинными, развѣвающимися волосами...

Когда Ахульго былъ взятъ, то Шамиля нигдѣ не могли найти. Онъ ночью, вмѣстѣ съ семьей и преданнѣйшими мюридами, спустился по веревкамъ внизъ въ пропасть и бѣжалъ, уничтоживъ сторожевые русскіе пикеты. Русскіе были поражены: они не знали, какимъ чудомъ онъ спасся.

Прорвавъ стальное кольцо и очутившись на свободѣ, Шамиль бѣжалъ въ аулъ Чиркатъ, а потомъ долго бродилъ въ горахъ, пока не попалъ въ Чечню и не сталъ во главѣ чеченцевъ.

3.

Въ 1843 г. Шамиль вернулся въ Дагестанъ и началъ брать одно за другимъ русскія укрѣпленія.

Ненависть къ русскимъ росла среди горцевъ, и въ то же время силы Шамиля увеличивались. Въ то же время русскіе отряды истребляли аулы. Все разжигало ненависть дагестанцевъ.

Шамиль сдается Барятинскому.

Съ картины Рубо.

Въ теченіе одного 1843 г. Шамиль разрушилъ двѣнадцать, построенныхъ русскими, укрѣпленій и захватилъ 35 пушекъ.

И вотъ на помощь обезсиленнымъ русскимъ войскамъ изъ внутреннихъ губерній были посланы сильные резервы. Борьба тянулась годами и уносила съ той и другой стороны много жертвъ.

Приходилось брать приступомъ горскіе аулы, стоявшіе на отвѣсныхъ скалахъ. Ротамъ солдатъ нужно было пробираться по террасамъ, усѣяннымъ саклями. Солдаты проваливались черезъ фальшивыя крыши и тотчасъ истреблялись.

Нѣкоторые аулы, какъ Салты, удалось взять русскимъ только послѣ долгодневной ожесточенной осады.

И эта затяжная борьба съ горцами съ перемѣннымъ успѣхомъ длилась до назначенія главнокомандующимъ войсками князя Барятинскаго въ 1856 г.

Барятинскій рѣшилъ дѣйствовать энергично и повелъ наступленіе на Дагестанъ громадными силами. Постепенно, шагъ за шагомъ, русскія войска подвигались въ глубину суровыхъ горъ и желѣзнымъ кольцомъ стягивали гордаго и воинственнаго Шамиля.

Населеніе, истощенное продолжительной борьбой, жаждало мира и иногда охотно бросало оружіе и сдавалось русскимъ. Это производило на стараго вождя страшное дѣйствіе: столько долгихъ лѣтъ онъ стремился спаять всѣ горскія племена Дагестана въ одно цѣлое и вдругъ—сдача безъ борьбы, добровольная сдача.

А кольцо безпощадно суживалось—уже со всѣхъ сторонъ раздавался ревъ русскихъ пушекъ. Таяли силы Шамиля, уменьшалось число преданныхъ мюридовъ.

Наконецъ, уже всѣ аулы одинъ за другимъ пали. И 29 іюля 1859 года Шамиль поднимается на Гунибъ—грозную природную твердыню всего Дагестана.

Въ половинѣ августа русскія войска обложили Гунибъ, и князь Барятинскій началъ вести переговоры съ Шамилемъ, предлагая ему сдаться. На это предложеніе Шамиль отвѣтилъ отказомъ.

25 августа войска подъ огнемъ непріятеля двинулись на штурмъ Гуниба, и считавшійся неприступнымъ Гунибъ палъ. Геройски дрался малочисленный (около 400 человѣкъ—мюридовъ) гарнизонъ Шамиля, но четыре русскихъ полка ворвались на величественное поднебесное плато Гуниба, и старый защитникъ Дагестана заперся съ своими воинами въ аулѣ.

Барятинскій предложилъ сдаться всѣмъ защитникамъ. Долго Шамиль колебался и не зналъ, что отвѣтить князю. Онъ любовно смотрѣлъ на родныя горы и чувствовалъ невыносимыя страданія: нѣсколько разъ хватался за кинжалъ и хотѣлъ умереть. Наконецъ, подъ давленіемъ окружающихъ мюридовъ и собственной семьи согласился на миръ.

Онъ послалъ своего вѣрнаго сподвижника Юнуса къ Барятинскому съ просьбой отодвинуть войска. Въ этомъ ему было отказано. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Войска стояли на-готовѣ и ждали приказа штурмовать аулъ. И вдругъ изъ аула вышла высокая величественная фигура старика съ красивымъ лицомъ, окаймленнымъ большой бородой. Это былъ Шамиль. Его глаза, заставлявшіе трепетать окружающихъ, теперь были опущены внизъ. На головѣ красовалась большая бѣлая чалма. Около сорока вооруженныхъ мюридовъ торжественно шли за своимъ повелителемъ.

Среди войскъ пробѣжало волненіе.

— Онъ ли это?—спрашивали другъ друга.

Первымъ встрѣтилъ Шамиля Врангель словами:

— До сихъ поръ мы были врагами, теперь же будемъ друзьями.

26 августа Шамиль подъ сильнымъ конвоемъ былъ отправленъ въ Петербургъ.

Мѣстожительствомъ плѣннику назначили городъ Калугу и дали ему хорошую пенсію—10,000 рублей въ годъ.

Жизнь свою окончилъ Шамиль въ Меккѣ.

4.

Шамиль отличался замѣчательной выдержкой характера и былъ очень справедливъ къ окружающимъ. Въ семейной жизни онъ проявлялъ большую нѣжность и любовь къ дѣтямъ и женамъ своимъ. Женъ у него было нѣсколько, и особеннымъ расположеніемъ пользовалась армянка Шуаннатъ. Шамиль помогалъ неимущимъ. Борясь съ христіанами, онъ въ то же время предоставилъ пріютъ въ Дагестанѣ русскимъ раскольникамъ, давъ имъ полную свободу религіи.

Подъ знойнымъ солнцемъ.

1.

Тотчасъ за Георгіевскимъ мостомъ начинался подъемъ. Опять встали по обѣ стороны чудовищныя громады — горы. Однѣ —украшенныя зеленью лѣсовъ, другія—оголенныя, дикія, суровыя.

Гнѣзда горцевъ ютятся на чудовищной высотѣ въ сосѣдствѣ съ нѣжными перламутровыми облачками. А вотъ еще аулы—они брошены на дно глубокихъ ущелей, гдѣ сакли теряются въ зелени фруктовыхъ деревьевъ.

Согнутыя, въ костюмѣ русскихъ монахинь, женщины и дѣвушки съ ожесточеніемъ копаются въ крохотныхъ садикахъ. Я съ невольнымъ уваженіемъ смотрю на этихъ тружениць, несущихъ на своихъ плечахъ такой тяжелый трудъ.

Шоссе прячется среди горъ и огромныхъ камней, усѣявшихъ дно тѣснины. Камни разсыпаны въ невообразимомъ безпорядкѣ,—какая-то страшная сила метнула ихъ сюда, загромоздивъ угрюмое подножіе мрачныхъ горъ. Сѣрые камни вросли наполовину въ землю; нѣкоторые изъ нихъ носили слѣды странныхъ царапинъ. Не было сомнѣнья, что это очень древняя ледниковая морена.

На одномъ великанѣ-камнѣ сидѣла пара великолѣпныхъ орловъ-бѣлоголововъ. Они водили своими головами и какъ будто раздумывали, что предпринять. Я приготовилъ было фотографическій аппаратъ, чтобы запечатлѣть ихъ на пластинкѣ, какъ вдругъ они снялись и, разсѣкая громадными крыльями неподвижный воздухъ, улетѣли.

Словно дразня меня, вслѣдъ за этимъ внезапно изъ камней раздался звонкій голосъ горной курочки.

И ожили, заговорили нѣмыя горы, разнося эхо рѣзкаго кудахтанья. Сама курочка оставалась невидимой, какъ я ни старался обнаружить ея присутствіе.

Миновавъ грозную морену, дорога вынырнула изъ тѣснины ущелья и вскочила на Мурадинскій перевалъ. Лошади шли шагомъ—перевалъ безъ малаго пять тысячъ футовъ. И когда мы выскочили изъ телѣги и остановились у почтовой станціи, то замерли отъ удивленія и восхищенія.

Вдали на горизонтѣ стояли величественныя горы, остроконечныя, конусообразныя, плоскія, зубчатыя съ причудливы-

ми очертаніями. Предвечерній сумракъ окуталъ западъ темной вуалью, и горы отъ этого становились задумчивыми, грустными. Надъ ними нависли черныя тучи, зловѣще и мрачно опускаясь все ниже и ниже. А сверху, какъ небесное привидѣніе, неслось облако краснаго цвѣта. Скрывшееся за горный хребетъ солнце одѣло его пурпуромъ. И это облако бросило отраженный свѣтъ на нѣкоторыя горы, вспыхнувшія золотомъ.

Двѣ-три минуты играли горы волшебнымъ заревомъ, потомъ начали гаснуть,—темная полоса появилась внизу, у ихъ подножья, и росла, увеличивалась, уничтожая блескъ золота.

Съ затаеннымъ любопытствомъ слѣдилъ я за этой мрачной тѣнью, стремящейся поглотить яркій золотой узоръ горъ. Вотъ она разрослась до чудовищныхъ размѣровъ, оставивъ только узенькую полосу багрянца, которая озаряла острый пикъ далекой горы. Еще мигъ—и вся панорама горъ была охвачена наступившимъ мракомъ. Теперь потускнѣли облака и горы.

И вдругъ огненная стрѣла молніи пронизала небосклонъ. Пронесся оглушительный раскатъ грома, всколыхнувшій угрюмое молчаніе горъ.

Къ намъ приближалась гроза, и мы скрылись въ комнату станціоннаго домика.

2.

Когда мы выѣзжали рано утромъ, небо очистилось отъ облаковъ и тучъ, и солнце поднялось изъ-за сосѣднихъ высотъ. По дорогѣ встрѣчаемъ характерную для нагорнаго Дагестана картину—на крошечномъ осликѣ сидитъ лезгинъ подъ зонтикомъ, а позади идетъ жена, навьюченная огромной вязкой дровъ.

Онъ дѣлаетъ блаженное лицо. Смотрите, молъ, какъ живемъ мы—мужчины.

— Селàми алейкумъ!—привѣтствуетъ онъ нашего возницу.

— Алейку селамъ!—отвѣчаетъ кучеръ.

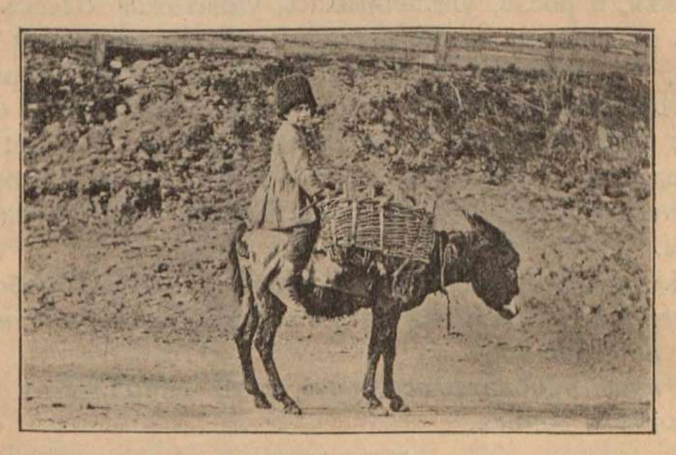
Солнце дагестанскихъ ущелій необыкновенно жгуче. Въ зноѣ томятся могучія скалы; свѣсили свои скрюченные листья случайныя одинокія деревья; все живое исчезло, лишь сѣрыя крупныя ящерицы безстрашно прилѣпились къ каменнымъ глыбамъ и грѣютъ свои бородавчатыя тѣла.

Мало милосердія проявляетъ и къ намъ солнце: кожа уже

сошла съ лица, наросла новая, но и до этой добираются его жгучіе лучи.

Исполинскіе пласты глинистаго сланца легли наклонно другъ на друга, образовавъ темныя пропасти. Отъ ветхости они почернѣли, какъ будто обуглились. Кой-гдѣ на нихъ стояли сосенки, но, видно, ихъ томилъ этотъ сплошной камень, и онѣ искривились, согнулись.

Вдали чернѣли траурныя скалистыя горы—это Карадахъ. На остромъ пикѣ конусообразной горы клубилось облачко, и это такъ было похоже на дымящійся вулканъ.

Мальчикъ лезгинъ везетъ фрукты.

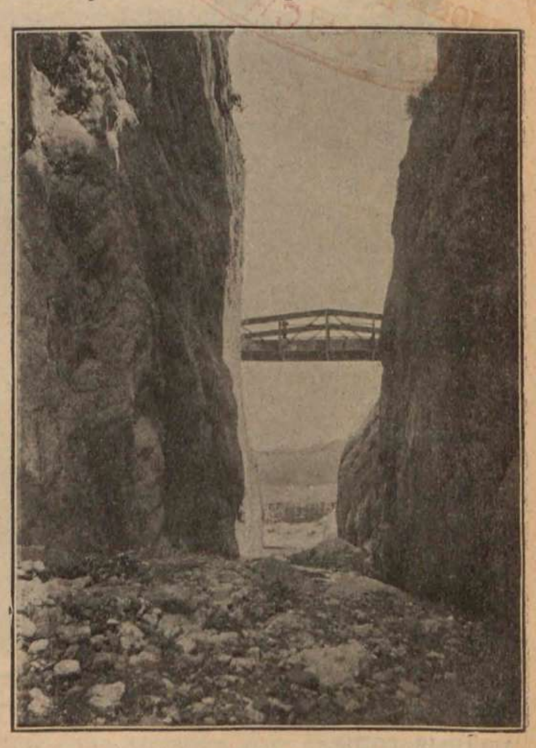
Дорога подошла къ мостику. Отсюда влѣво, на небольшомъ разстояніи, находилось знаменитое на Кавказѣ сланцевое ущелье, или Карадахская щель. Идемъ съ Ф. осмотрѣть его.

Зноемъ дышутъ камни, и даже вода рѣчонки, по берегу которой мы движемся, сдѣлалась теплой.

Вотъ изъ-за огромнаго камня, выросшаго вдругъ на поворотѣ, показались двѣ человѣческія головы—одна въ высокой папахѣ, другая въ женскомъ, ярко-красномъ, платкѣ. Увидѣвъ насъ, онѣ тотчасъ скрылись. Вѣроятно, испугались. И куда сразу исчезли эти странные люди,—для насъ осталось тайной.

Дорожка вьется среди нагроможденныхъ камней и скоро попадаетъ въ самое ущелье. Это не ущелье, а странная, какимъ-то чудомъ созданная щель, внизу нѣсколько расширенная—мѣстами до трехъ-четырехъ саженей, а кверху суженная до аршина и меньше. Щель змѣится, и ея отвѣсныя стѣны стоятъ какъ бронированныя укрѣпленія. Голубое небо

узенькой полоской заглядываетъ въ дикое отверстіе и отсюда кажется далекимъ и прекраснымъ. Могильное молчаніе наполнило эти нависшіе своды сланца, и только крошечный ручеекъ, извиваясь по дну ущелья, тихо журчитъ. Посмотришь на него и подумаешь: какой невинный и веселый ручеекъ! А между тѣмъ въ непогоду, въ дождь, онъ быстро выростаетъ въ могучій горный потокъ — и не дай Богъ тогда путнику попасть въ эту щель, — отвѣсныя стѣны будутъ глухи къ мольбамъ, не дадутъ пристанища, а несущіеся съ скрежетомъ камни искрошатъ человѣческія кости въ одно мгновенье...

Мостъ по пути въ Карадахъ.

Сверху иногда упадетъ бодрый крикъ горной ласточки и всколыхнетъ угрюмую тишину ущелья, и опять безмолвіе, тяжелое, бьющее по нервамъ.

Въ одномъ мѣстѣ громадный круглый камень, свалившись съ сосѣдней горы, остановился, застрялъ въ расщелинѣ и теперь виситъ въ воздухѣ.

Прошли около ста саженей, прежде чѣмъ достигли конца этой щели. И здѣсь, на высотѣ сорока-пятидесяти саженей, встрѣчаемъ своеобразное сооруженіе. Дикія пчелы нашли въ отвѣсѣ сланцевой стѣны нѣсколько отверстій, которыя онѣ приспособили для собиранія и храненія своего меда. Отважные лезгины, съ цѣлью воспользоваться дикими сотами, устроили изъ дерева рядъ колышковъ и вбили ихъ въ стѣну. По этимъ опаснымъ колышкамъ горцы пробираются на опасную высоту. На самомъ верху, около пчелиныхъ гнѣздъ, устроены легкія, игрушечныя перила, и торжественно болтается трехцвѣтный, уже выцвѣтшій флажокъ.

Разсказываютъ, что недавно одинъ шестнадцатилѣтній парень свалился съ такой высоты, доставая медъ, и разбился вдребезги.

Полюбовавшись еще разъ оригинальнымъ ущельемъ, мы вернулись къ своей телѣгѣ и поѣхали дальше.

Буйволы въ рѣчкѣ въ Дагестанѣ.

3.

Карадахъ значитъ Черная гора, или вѣрнѣе Черныя горы. И не даромъ такъ названа вся эта мѣстность. Мрачныя, словно сотканныя изъ чернаго бархата, горы; громадные камни, въ безпорядкѣ разбросанные у ихъ подножья, камни-старики, растрескавшіеся и потемнѣвшіе; черный, какъ ночь, Койсу, пересѣкающій Карадахскую долину,—словно духъ тьмы положилъ свою суровую печать и на эту долину и на эти безотрадныя горы.

Зной становится невыносимымъ. Кажется, все пышитъ пламенемъ. Если бы это продолжалось нѣсколько дольше, то, можетъ-быть, не хватило бы силъ трястись въ телѣгѣ, но шоссе неожиданно дѣлаетъ поворотъ и поднимается вверхъ. Зигзагами взбирается оно на значительную высоту, и намъ навстрѣчу льется струя прохладнаго вѣтерка, воскресающаго наши силы.

Встрѣчаемъ группу лезгинъ,—навьючивъ ословъ корзинами съ горшками, они гонятъ ихъ за сотню верстъ въ глубину Дагестана.

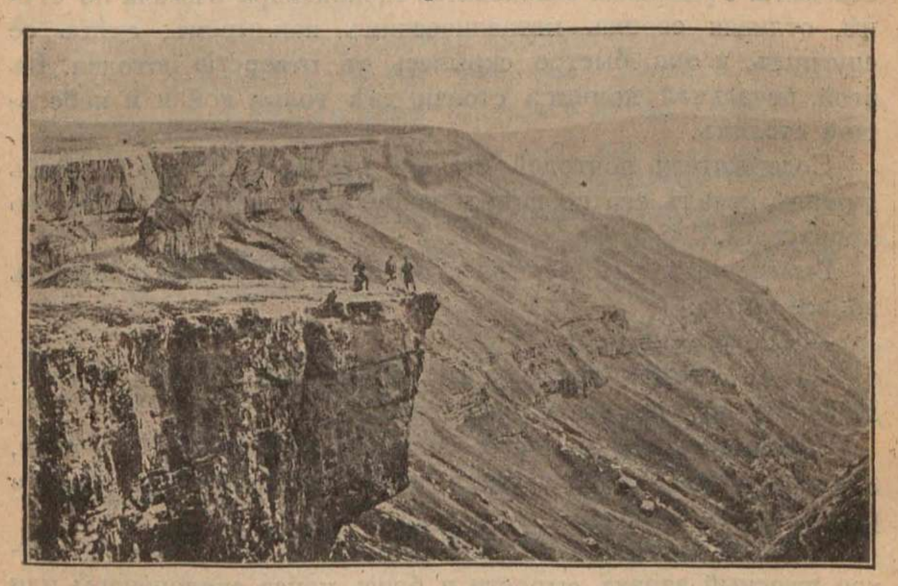
Подъемъ становится утомительнымъ. Дорога пересѣкаетъ

рядъ природныхъ террасъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга каменными высокими стѣнами, и выходитъ на громадную ровную площадь, покрытую мелкой травой. Это—Аварская плоская возвышенность.

Ѣдемъ по однообразной равнинѣ, раскинутой на громадной высотѣ, и черезъ нѣсколько часовъ въѣзжаемъ въ центръ Аваріи—село Хунзахъ.

Рядомъ съ жалкимъ лезгинскимъ ауломъ красуется крѣпостная стѣна съ башнями-бойницами. Въ самой крѣпости и цѣлый рядъ построекъ.

Въ ожиданіи лошадей я отправился осмотрѣть водопадъ, находившійся недалеко отъ крѣпостной стѣны.

Казамурская балка подъ укрѣпленіемъ Хунзахъ.

Водопадъ очень эффектенъ—онъ падаетъ могучимъ потокомъ съ высоты пятидесяти саженей. Образуетъ водопадъ маленькая рѣчонка Токита.

Выѣхали мы изъ Хунзаха при яркой, хотя и не совсѣмъ полной, лунѣ. Ночь стояла тихая, теплая, привлекательная. Спали въ отдаленіи горы. Ихъ очертанія едва были видны. Выплылъ Юпитеръ и горѣлъ, какъ сказочный брильянтъ въ чистомъ небѣ. Далеко гдѣ-то кричала невѣдомая птица.

Недавніе ливни испортили дорогу. Мы часто переѣзжали какую-то рѣчку. Наконецъ, попали на твердую каменистую почву.

Спряталась луна, и ночь стала темной. Исчезли горы—заволоклись мракомъ. Долго еще звенѣла и гремѣла наша телѣга въ безмолвіи ночи, прежде чѣмъ остановилась у какой-то хатенки, вросшей наполовину въ землю.

— Это почтовый станція,—заявилъ ямщикъ-лезгинъ.

Мы перестали всему удивляться въ этомъ диковинномъ краю, и поэтому встрѣтили это извѣстіе съ полнымъ равнодушіемъ и внесли свой легкій дорожный багажъ въ эту избушку.

Когда пламя свѣчи освѣтило комнату, то мы увидѣли, что деревянныя доски потолка подгнили, и земля проваливалась черезъ образовавшіяся трещины; полъ наполовину не существовалъ. Громадная зеленоватая сколопендра бѣжала по стѣнѣ, отливая своимъ металлическимъ панцыремъ; свѣтъ ее спугнулъ, и она быстро скрылась въ отверстіе потолка. Въ этой печальной комнатѣ стояли двѣ голыя койки и небольшой столикъ.

Содержателя почтовой станціи не было. Напрасно нашъ ямщикъ искалъ его по всѣмъ закоулкамъ двора,—онъ словно провалился.

Выведенный изъ терпѣнія, ямщикъ, наконецъ, крикнулъ во все горло:

— Магома, магома!

И въ отвѣтъ послышался отдаленный женскій голосъ. Начались переговоры на разстояніи.

Выяснилось, что старосты (содержателя станціи) нѣтъ дома, и ямщикъ передалъ его женѣ наше требованіе приготовить рано утромъ лошадей.

Не скоро заснулъ я въ этой отвратительной избушкѣ, вдыхая ужасный запахъ сырости и боясь укуса сколопендры или другого ядовитаго насѣкомаго.

4.

Съ какимъ облегченнымъ чувствомъ покинули мы свою ночлежку! Утренній воздухъ былъ свѣжъ и ароматенъ. Послѣ тяжелой ночи въ затхлой избушкѣ мы не нарадуемся и дивному ковру цвѣтовъ, и отдаленнымъ, обступившимъ со всѣхъ концовъ, высотамъ. Гунибъ остался далеко позади. Онъ возвышается надъ сосѣдними горами, одѣтый нѣжной лиловой тканью. А впереди, какъ въ сказкѣ, рождаются новыя и новыя высоты, и, кажется, конца имъ нѣтъ.

Вотъ одна изъ нихъ поражаетъ глазъ своею совершенно бѣлой окраской,—какъ будто только-что вышла изъ воды, и на ней еще не успѣла растаять морская пѣна. Это—Сіунская гора.

Аулы, окруженные крошечными вспаханными и засѣянными кукурузой площадками, появляются при каждомъ новомъ поворотѣ.

Опять мы проваливаемся куда-то внизъ, убѣгая отъ Аварскаго плоскогорья. Подъѣзжаемъ къ небольшому аулу.

Солнце жаритъ немилосердно. Его колючіе лучи парализовали всякое желаніе, остановили мысль; въ невыносимой духотѣ только одна властная потребность овладѣваетъ мною: скорѣе бы къ пристанищу.

— Здѣсь станція,—заявляетъ ямщикъ.

Этотъ большой лохматый человѣкъ, знающій нѣсколько русскихъ словъ, ничего болѣе пріятнаго не могъ намъ теперь сообщить.

Мы смотримъ по сторонамъ и видимъ рядъ сакль—и ни одной человѣческой физіономіи. Только мелькомъ въ узенькое окошечко глянуло на насъ чье-то блѣдное изможденное лицо и испуганно скрылось.

Что бы это значило?

Аулъ какъ будто вымеръ. Проѣзжая мимо кладбища, видимъ нѣсколько палатокъ, сооруженныхъ изъ свѣжихъ вѣтокъ. Въ нихъ сидятъ, согнувшись надъ громадными книгами, мрачныя фигуры и съ ожесточеніемъ читаютъ что-то вслухъ.

И опять ни души. Такое же безлюдье и на почтовой станціи. Даже дверь заперта. Ямщикъ, къ нашему ужасу, открутилъ кольца и открылъ намъ комнату, куда мы и внесли свои вещи. Положеніе наше нельзя было назвать блестящимъ: ямщикъ, не найдя старосту, уѣхалъ, и мы остались въ томительномъ ожиданіи чьего-нибудь прихода.

Время шло и безмолвіе аула начинало насъ угнетать. Я вышелъ было, чтобы разыскать хоть кого-нибудь, но сейчасъ же громадный песъ съ свирѣпымъ рычаньемъ преградилъ дорогу.

Пришлось вернуться въ комнату—мы были арестованы.

Нѣсколько часовъ вынужденнаго бездѣйствія были нарушены въѣздомъ во дворъ тройки,—это пріѣхалъ обратный ямщикъ. Мы очень обрадовались ему. Къ счастью, онъ зналъ русскій языкъ и объяснилъ намъ, что содержатель станціи уѣхалъ въ Шуру.

— Почему же никого не видно въ аулѣ?—спрашиваемъ его.

— А въ каждой саклѣ болѣзнь есть—тифъ.

Такъ вотъ чѣмъ объясняется полное отсутствіе людей на улицахъ; вотъ почему сидѣли на кладбищѣ чтецы и по религіозному магометанскому обряду читали по умершимъ молитвы. Нужно было скорѣе выбраться изъ этого опаснаго мѣста, и мы торопили ямщика.

Спустя нѣсколько дней мы узнали отъ врача, что въ этомъ аулѣ свирѣпствовалъ сыпной тифъ, который уносилъ множество жертвъ.

5.

Опять замелькали зеленѣющія долины среди суровыхъ горъ, игрушечные аулы, крошечныя нивы.

Подъѣхали къ Тлохскимъ садамъ. Изумрудной лентой тянутся они по берегамъ мрачнаго Андійскаго Койсу. Сады поражаютъ сочностью и разнообразіемъ своихъ деревьевъ. Чего только тутъ нѣтъ! Орѣхъ, слива, яблоня, груша, черешня, вишня, айва, персикъ, но преобладаетъ абрикосовое дерево, плоды котораго лезгины называютъ курагой. Земля усѣяна абрикосами; наѣзжаемъ и топчимъ ихъ. Мы встрѣчаемъ въ саду человѣка и просимъ продать намъ абрикосъ на гривенникъ. Къ нашему ужасу, онъ принесъ ихъ по крайней мѣрѣ около пуда.

Тлохъ поражаетъ сѣрымъ и скучнымъ видомъ своихъ сакль. Когда мы бродили по его узкимъ, искривленнымъ улицамъ, встрѣчавшіяся женщины отворачивались отъ насъ,—таковъ здѣсь обычай.

Лезгинки торопливо спускались къ рѣкѣ по узенькой тропинкѣ,—однѣ несли на плечахъ блестящіе мѣдные кувшины съ высокими узкими горлышками, другія вели осликовъ, у которыхъ на спинахъ были перекинуты корзины съ сосудами для воды. Приблизившись къ черному Койсу, женщины быстро черпали длинными мѣдными разливательными ложками воду и наполняли ею посуду. И тотчасъ же возвращались обратно, словно боясь потерять лишнюю минуту. При встрѣчѣ молчаливо давали другъ другу дорогу и шли своей торопливой нервной походкой, изрѣдка понукая отставшаго осла.

А вечеръ замѣтно надвигался въ ущелье. Внизу уже лежа-

ли тихія, нѣжныя сумерки. Горы уже вознеслись на такую высоту, что еще долго переглядывались съ солнцемъ, и улыбка заходящаго солнца озаряла ихъ вершины золотомъ. Повыше горъ плыло облако, и казалось оно одинокимъ, затеряннымъ въ небѣ путникомъ.

Въ предчувствіи наступающей ночи все стремилось въ аулъ, гдѣ такъ грязно, неуютно: нагруженные корзинами съ курагой и понукаемые мальчиками и женщинами, шагали ослы изъ тлохскихъ садовъ; по узенькой тропинкѣ съ горныхъ пастбищъ гуськомъ возвращался домашній скотъ; лѣнивой походкой шли лезгины.

Надъ ауломъ уже раскинулась теплая лѣтняя ночь. И горы, казавшіяся такими близкими, отодвинулись, ушли въ даль, потерявъ свою обаятельную окраску. Вспыхивали яркія знакомыя звѣзды...

И эта молчаливая дагестанская ночь, какъ нѣжная мать, убаюкивала, ласкала душу.

Долго сидѣлъ я на открытой галлереи станціоннаго домика и наслаждался молчаніемъ дивной ночи... А когда легъ, то на меня напали москиты и безпощадно кусали. Съ трудомъ можно было заснуть, спрятавшись подъ жаркую бурку.

Разбудила меня какая-то унылая мелодія, доносившаяся со двора. Долго я не могъ сообразить, что это за странная музыка. Наконецъ догадался,—это ѣхали арбы, скрипучія горскія арбы, нагруженныя абрикосами. За отсутствіемъ сбыта на мѣстѣ, лезгины везутъ прекрасные плоды своихъ садовъ въ Грозный за двѣсти верстъ. Цѣлый рядъ возовъ всколыхнулъ утреннюю тишину и наполнилъ воздухъ своеобразнымъ скрипомъ.

Нужно было подниматься и намъ. Мы быстро вскочили и начали собираться въ Ботлихъ.

6.

Ботлихъ—административный центръ Андійскаго округа, примыкающаго къ Кахетіи. Здѣсь кончался почтовый трактъ, и дорога смѣнялась верховой тропой, ѣзда по которой была далеко небезопасна. Поэтому, явившись въ Ботлихъ, мы прежде всего отправились къ начальнику округа, чтобы попросить

у него проводника и пару верховыхъ лошадей. Но, къ несчастью, начальникъ былъ тяжело боленъ и не могъ насъ принять. Видя наше затруднительное положеніе, участковый ботлихскій начальникъ Галбацовъ (лезгинъ) обѣщалъ намъ найти лошадей и проводника къ слѣдующему дню.

Довольные своей удачей, мы отправились въ аулъ. Насъ провожалъ высокій и стройный лезгинъ Шалатъ. Онъ немного говорилъ по-русски, научившись этому, по его собственному признанію, въ тифлисской тюрьмѣ, гдѣ онъ сидѣлъ за кражу быка у сосѣда.

Жители села Ботлихъ.

Главная улица Ботлиха — узкая, кривая, пыльная. Здѣсь сосредоточены лавки и множество мастерскихъ—кузнечныхъ, шапочныхъ, кинжальныхъ, портняжныхъ, посудныхъ. Есть даже магазинъ съ машинами Зингера. Большинство мастеровъ—ссыльные за разныя преступленія изъ другихъ округовъ Дагестана. Вѣсы первобытныя. На этой же улицѣ и канцелярія начальника участка. Какъ разъ происходило засѣданіе суда въ крошечномъ помѣщеніи. Разбиралось интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло.

Я уже имѣлъ случай упомянуть объ образованіи хуторовъ—гнѣздъ. Населеніе нижнихъ ауловъ обыкновенно относится враждебно къ появленію такихъ хуторовъ, такъ какъ новоселы, выйдя изъ общества, уже не несутъ общественныхъ обязательныхъ для всѣхъ работъ: напримѣръ, починки дорогъ, охраненіе мостовъ. Мѣстный законъ преслѣдуетъ хуторянъ.

И вотъ теперь предъ лицомъ суда стояло пятеро: глубокій старикъ—лезгинъ и его товарищи—сосѣди. Обвинителями являлись жители долиннаго аула—бывшіе односельчане. Приговоромъ участковаго начальника всѣ подлежали семидневному заключенію въ арестномъ домѣ. Судъ Дагестана настолько своеобразенъ, что о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Сельскій судъ очень упрощенъ. Онъ состоитъ изъ трехъ выборныхъ отъ общества и происходитъ при участіи кадія, (муллы), который ведетъ письмоводство.

Окружной судъ состоитъ изъ уполномоченныхъ отъ каждаго административнаго участка, которые подъ предсѣдательствомъ помощника начальника округа рѣшаютъ дѣла на основаніи шаріата (священныхъ книгъ). Рѣшаютъ даже серьезныя уголовныя дѣла, включительно до убійства. Степень наказанія предлагаетъ предсѣдатель суда, согласуясь уже съ общеимперскими законами.

Если обвинитель указываетъ на кого-нибудь, какъ на лицо, совершившее преступленіе и подтверждаетъ свое показаніе присягой вмѣстѣ съ пятью свидѣтелями, то обвиняемый имѣетъ право дать, такъ называемую, очистительную присягу, т.-е. онъ можетъ присягнуть самъ и привести съ собой еще одиннадцать человѣкъ.

Тогда будетъ доказана его непричастность къ преступленію. При отсутствіи же очистительной присяги судъ признаетъ, что онъ виновенъ.

На долю суда выпадаетъ больше всего дѣлъ, связанныхъ съ кровавой местью, которая въ Дагестанѣ въ большомъ ходу.

— Теперь пойдемъ въ старый Ботлихъ,—заявилъ Шалатъ.

Съ главной улицы мы свернули въ узкій и темный переулокъ и, слѣдуя за проводникомъ, скоро очутились въ какихъ-то странныхъ катакомбахъ. Проходимъ цѣлый рядъ кривыхъ коридорчиковъ, надъ которыми находятся помосты изъ бревенъ.

— Это сверху дворы,—поясняетъ Шалатъ.

Пустынно. Только изрѣдка встрѣчаются одинокія фигуры женщинъ съ высокими кокошниками на головѣ, покрытыми грязными, когда-то бѣлыми покрывалами. Лица не закрыты. Старухи смотрятъ на насъ своими потухшими глазами и видимо удивляются. Молодыя женщины отворачиваются при встрѣчѣ.

Муракъ господствуетъ здѣсь вѣчно. Коридорчики имѣютъ рядъ маленькихъ дверей—это входъ въ жилище людей, а вотъ двери пошире и повыше—сюда заходитъ скотъ.

Старуха изъ села Ботлихъ.

Слышно, какъ кто-то шагаетъ надъ головой—это второй ярусъ человѣческихъ жилищъ. На всѣхъ постройкахъ, сооруженныхъ на скорую руку изъ камня, лежитъ печать ветхости, старины. Вотъ приблизились къ крошечной саклѣ, на порогѣ которой сидитъ старушонка, вся въ глубокихъ морщинахъ, съ провалившимся беззубымъ ртомъ. Я попросилъ Шалата спросить ее, не знала ли она Шамиля. При этомъ имени глаза старухи оживились, заблестѣли, и она сказала:

— О, хорошо его помню! Я молода тогда была. Онъ ѣхалъ черезъ нашъ Ботлихъ на Карадахъ. Такой бравый былъ. Какъ увидала я его, такъ ноги у меня задрожали, и я скоро отвернулась: намъ нельзя было смотрѣть на мужчинъ. А больше ничего не знаю.

Продолжали бродить по страннымъ улицамъ стараго Ботлиха. Иногда ловили косые и презрительные взгляды глубокихъ стариковъ,—они очень религіозны и свысока относятся къ невѣрнымъ.

Встрѣтили красивую высокую лезгинку, которая при нашемъ появленіи отскочила было въ сторону, но Шалатъ удержалъ ее за руку и отрекомендовалъ:

— Это бывшая жена моя.

Красивая женщина видимо волновалась и прятала свое лицо. Мы попросили проводника отпустить ее. Почувствовавъ себя на свободѣ, она юркнула въ дверь сакли и скрылась.

— Я недавно развелся съ ней,—пояснялъ молодой мужъ.— Далъ ей калымъ обратно—всего пять рублей.

Таково положеніе женщины въ Дагестанѣ: въ любой моментъ мужъ ее можетъ выбросить на улицу. Но не лучше живется и дѣвушкѣ въ домѣ родителей.

Подъ страхомъ тяжелаго наказанія она не должна вступать даже въ разговоръ съ постороннимъ мужчиной. И молодые, полюбившіе другъ друга, люди прибѣгаютъ къ самымъ хитроумнымъ выдумкамъ, чтобы увидѣться и побесѣдовать съ глазу на глазъ и не быть пойманными родными...

Прихотливая изломанность узенькихъ улицъ стараго Ботлиха лишала возможности составить хоть какой-нибудь планъ аула. Зайти и часами блуждать по его кривымъ темнымъ коридорчикамъ безъ надежды найти выходъ очень не трудно. Облегченно вздохнули мы, когда кончились эти, лишенныя всякаго свѣта, улички...

7.

Остатокъ дня провели въ квартирѣ мѣстнаго окружного врача. Онъ отнесся къ предстоящему нашему путешествію по Андійскимъ скаламъ совсѣмъ неодобрительно.

— Вы знаете, что туземцы и тѣ избѣгаютъ по возможности этихъ головокружительныхъ тропинокъ. Вѣдь временами вамъ придется въ буквальномъ смыслѣ висѣть въ воздухѣ надъ пропастями. Часто одно неосторожное движеніе лошади ведетъ къ страшной катастрофѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Кедеро въ Ботлихъ везли вещи мирового посредника. Нагрузили катера, котораго велъ погонщикъ. Въ одномъ мѣстѣ отъ неизвѣстной причины съ горы упалъ небольшой камень и угодилъ прямо въ голову катеру. Оглушенное камнемъ животное слетѣло въ пропасть. Упалъ катеръ на камни, понятно, разбился на смерть, но приблизиться къ нему и

взять дорогія золотыя и серебряныя вещи было никакъ нельзя. Уже давно птицы обглодали кости несчастнаго катера, а вещи все валяются. И никогда ихъ не возьмешь, хотя ихъ тысячи на четыре... Я положительно боюсь этихъ дорогъ. Мнѣ приходилось ѣздить, и я всегда давалъ себѣ слово не дѣлать этого больше. Вѣдь часто отъ ничтожной причины можно погибнуть. Иногда пасется гдѣ-нибудь наверху стадо овецъ; какая-нибудь овца нечаянно сбросила ногой камешекъ, онъ летитъ, ударяетъ васъ или лошадь въ голову и—прощай жизнь. Ширина вѣдь этихъ дьявольскихъ горныхъ тропъ совершенно ничтожна... Былъ здѣсь чиновникъ, который по дѣламъ службы отправился по этимъ дорогамъ, и что же? Доѣхалъ человѣкъ до средины, смалодушничалъ, остановился, сошелъ съ лошади и кричитъ:

— Спасите меня!

А самъ обнялъ скалу и внизъ не смотритъ. Ужъ проводникъ завязалъ ему глаза платкомъ и такъ провелъ его по самымъ опаснымъ мѣстамъ.

Ужъ день близился къ концу, когда мы отправились въ домъ богатаго ботлихца Дибира.

Онъ видѣлъ насъ, когда мы ходили по улицамъ аула и черезъ проводника Шалата выразилъ пожеланіе, чтобы мы посѣтили его саклю.

Мы вошли въ первую комнату, которая называлась „кунацкой“ (кунакъ—пріятель). Небольшая комнатка была чисто убрана. Стѣны покрыты свѣжими обоями. Два большихъ окна давали много свѣта и дѣлали комнату веселой. Вдоль стѣны были разставлены сундуки на низкихъ скамейкахъ; въ нихъ было все имущество хозяина. Тутъ же возлѣ сундуковъ, обшитыхъ тонкимъ желѣзомъ, лежали красивой грудой пестрыя шелковыя одѣяла, подушки, ковры. Стѣна была украшена разнообразной мѣдной посудой, среди которой было больше всего блестящихъ мѣдныхъ кувшиновъ; тутъ же пріютилась полочка съ мѣдными и глиняными тарелками, металлическими чайниками и блюдами.

Когда мы вошли, Дибиръ—лезгйнъ среднихъ лѣтъ съ красивымъ, мужественнымъ лицомъ—позвалъ слугу-мальчика и велѣлъ ему приготовить намъ на полу сидѣнье.

Быстро и ловко мальчикъ стаскивалъ съ кучи ковры и войлоки и разстилалъ ихъ на глиняномъ полу.

Скоро мы вмѣстѣ съ хозяиномъ сидѣли на изящныхъ ел-

ковыхъ мутакахъ (подушка, имѣющая форму цилиндра) на полу.

Дибиръ видимо доволенъ былъ нашимъ приходомъ. По-русски онъ говорилъ порядочно. Мальчикъ принесъ блестящій мѣдный подносъ, уставленный кушаньями—главнымъ образомъ молочными блюдами. Но прежде чѣмъ мы приступили къ ѣдѣ, самъ хозяинъ взялъ мѣдный кувшинъ съ высокимъ горлышкомъ и предложилъ намъ вымыть руки.

Самъ Дибиръ мало ѣлъ. Онъ больше занималъ насъ разсказами о томъ, какъ онъ богатъ, сколько у него быковъ, овецъ и какъ всѣ уважаютъ его въ округѣ.

Въ дверь заглянуло чье-то женское лицо и поспѣшно скрылось.

— Ахъ, это Салихатъ—жена моя. Она тайкомъ на васъ посмотрѣла. Обычай нашъ — нельзя смотрѣть, но я не такой — я въ родѣ какъ городской. Вотъ захочу и покажу ее вамъ.

Дибиръ всталъ и направился въ сосѣднюю комнату. Долго не показывался, и мы начинали чувствовать нѣкоторую неловкость, но вотъ открылась дверь, и вмѣстѣ съ хозяиномъ появилась поразительной красоты молодая лезгинка. На ней былъ одѣтъ дорогой шелковый бешметъ ярко-краснаго цвѣта; рукава были вырѣзные и спускались длинными концами; вызолоченный поясъ обхватывалъ талію; ярко-голубые шальвары были опущены въ красныя сафьяновыя туфли, украшенныя серебромъ; на голову небрежно былъ накинутъ желтый шелковый платокъ. Появилась только на моментъ, и мы не успѣли сдѣлать ей привѣтствія, какъ смущенная, недовольная тѣмъ, что ее вывели напоказъ, исчезла.

— Триста рублей заплатилъ за Салихатъ. Она первый сортъ. Въ аулѣ лучше не найдешь. Не хотѣла,—ну, не надо: боится. Пойдемъ покажу свои комнаты.

Прошли въ сосѣднюю. Это была спальня, вся убранная пестрыми коврами мѣстнаго издѣлія. Большая низенькая кровать посрединѣ и нѣсколько сундучковъ у стѣны. Шашки и кинжалы украшали стѣну.

— Сюда никто не заглядываетъ. Только для хорошихъ кунаковъ все сдѣлать готовъ. Я не простой лезгинъ—я въ родѣ какъ городской.

Дальше шла дверь въ кухню, куда насъ не счелъ нужнымъ пригласить хозяинъ.

Вернулись въ кунацкую. Дибиръ предлагалъ намъ на ночь устроиться здѣсь же.

— Ковровъ много, подушекъ много. Хочешь—подарю.

Но мы сочли неудобнымъ безпокоить мало знакомаго человѣка и, поблагодаривъ за угощеніе, вернулись въ станціонную комнату.

Въ Андійскихъ скалахъ.

1.

Ѣхать можно было только гуськомъ.

Тропинка тянулась вдоль лѣваго берега Андійскаго Койсу. Незамѣтно подошли громадныя скалы, и мы очутились въ ущельи. Надъ нами нависли чудовищные пласты сланца; страшныя трещины по всѣмъ направленіямъ изрѣзали сланецъ, положивъ на него фантастическую игру линій.

Ѣдешь и чувствуешь себя во власти этихъ скалъ.

А вотъ и человѣческія жилища. Такъ неожиданно появились они въ этомъ дикомъ царствѣ камней и скалъ. Но что это за строенія? Я бы скорѣе назвалъ ихъ звѣриными норами: въ скалахъ были природныя углубленія въ видѣ небольшихъ гротовъ, къ нимъ лезгины прилѣпили переднюю стѣну, вставили дверь и окошко, и получилась сакля. Немного расходовъ и еще меньше труда.

Передъ этими пещерами-саклями расположились гиганты-камни. На нихъ вскарабкались обитатели этого преоригинальнаго поселка и удивленно наблюдаютъ за нами.

Койсу реветъ, какъ звѣрь,—онъ мчится по страшно порожистому дну и съ такой силой ударяется о выступы каменистыхъ пороговъ, что его темныя воды разбиваются и милліонами струекъ отлетаютъ во всѣ стороны.

Страшная жажда томитъ меня и моего спутника Ф. Здѣсь нѣтъ тѣхъ горныхъ ключей, которые такъ привѣтливо встрѣчаютъ путешественника въ другихъ мѣстахъ Кавказа.

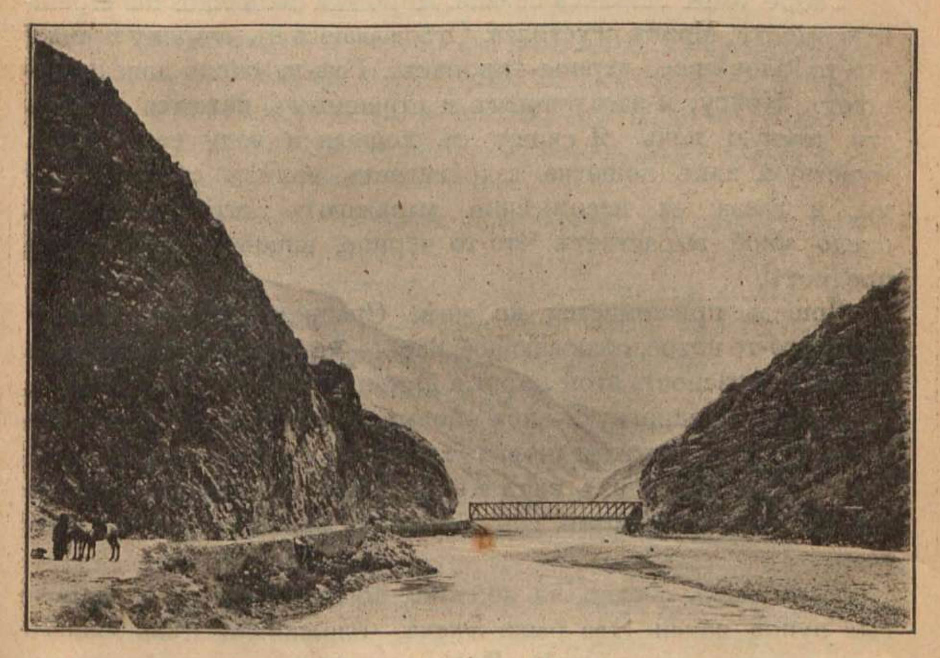
Вотъ показалась группа осликовъ, которыхъ подгоняютъ пѣшіе лезгины. Одинъ изъ погонщиковъ при встрѣчѣ любезно протягиваетъ руку и предлагаетъ пригоршню спѣлыхъ вишенъ. Никогда съ такимъ наслажденемъ не ѣлъ я этихъ ягодъ, утолившихъ немного жажду.

Скалы растутъ—ихъ макушки купаются въ небесной лазури; онѣ заслонили собой солнце, и оно вырывается только

черезъ узкія боковыя ущелья. Въ одномъ мѣстѣ неожиданно блеснулъ водопадъ,—съ громадной высоты онъ несся въ черную пропасть и бился о камни.

А суровый Койсу какъ будто усталъ въ неравной борьбѣ съ дикими скалами—выровнялся, затихъ и плавно несется по расширенному руслу.

Его громадная отмель подошла къ самой тропинкѣ. Темный илъ, въ которомъ потонули чудовищныя бревна, трофеи грозной рѣки, блестятъ на солнцѣ и усиливаютъ мрачность общей картины.

Мостъ черезъ рѣку Койсу.

2.

Безлюдно и жутко среди скалъ при наступленіи сумерекъ. Дорожка то уноситъ на страшную высоту, то бросаетъ къ самому Койсу, и онъ обдаетъ насъ мельчайшей водяной пылью, словно гнѣвясь за то, что мы приблизились къ нему.

Среди дикой прелести оголенныхъ скалъ вдругъ мы замѣтили пару бѣлыхъ домашнихъ козъ. Онѣ какъ будто приросли къ отвѣснымъ темнымъ громадамъ и казались сказочными изваяніями въ этомъ суровомъ царствѣ дикихъ скалъ. Ка-

кимъ-то чудомъ держались онѣ на крохотномъ уступѣ и по-видимому слѣдили за нами.

Въ узенькомъ просвѣтѣ вечерняго неба зажглись первыя звѣздочки, а въ ущельѣ было темно, совсѣмъ темно. И среди мрака наступавшей ночи впереди вдругъ показалась бѣлая движущаяся лента—это стадо овецъ. Ихъ веселое блеянье бодро звучитъ и смѣшивается съ неистовымъ ревомъ безумной рѣки. Мы ѣдемъ медленно, стараясь не потерять изъ виду своего проводника, который отлично справляется со всѣми подъемами и спусками.

Скоро овцы остались позади. Дорожка поднялась на страшную высоту. Мракъ сгустился. Оглядываюсь въ сторону и вижу что-то зловѣщее, черное—пропасть. Гдѣ-то очень далеко бушуетъ Койсу, и загадочнымъ и страшнымъ кажется онъ въ эту темную ночь. Я схожу съ лошади и веду ее за узду. Чувствую, какъ лошадка вздрагиваетъ, водитъ своими ушами, и глаза ея несомнѣнно выражаютъ страхъ. Вдругъ предо мной выростаетъ что-то черное, какой-то необычный предметъ.

Лошадь прижимается ко мнѣ. Сразу выростаетъ между нами что-то новое, сближающее насъ,—мы оба понимаемъ весь ужасъ и опасность этой дороги. Останавливаемся. И предметъ, заставившій вздрогнуть насъ обоихъ, оказывается обыкновеннымъ кустомъ можжевельника. Тропинка кажется безконечной. Иногда она приводитъ насъ къ боковымъ ущельямъ, и тогда мы видимъ отдаленныя горы, облитыя яркимъ луннымъ свѣтомъ.

Было очень поздно, за полночь, когда мы увидѣли озаренныя луной сакли. Это была Эчеда,—ближайшая цѣль нашего сегодняшняго путешествія. Здѣсь мы должны перемѣнить лошадей и переночевать.

Къ нашему удивленію, многія сакли еще бодрствовали, и веселый дымокъ вился черезъ неуклюжія трубы. Проводникъ привелъ насъ въ домъ старшины, который тотчасъ предложилъ намъ для ночлега свою новую саклю съ однимъ оконнымъ просвѣтомъ, но безъ рамы—еще не успѣли вставить. Это было неважно, а, можетъ-быть, даже-лучше: больше свѣжаго воздуха.

Легли мы, не раздѣваясь, и уснули моментально.

3.

Утромъ насъ принялъ у себя въ квартирѣ начальникъ участка—лезгинъ Хадисъ Хаджіевъ.

Извинившись, что не могъ устроить насъ лучше, поздно ночью, онъ сообщилъ, что, къ нашему счастью, нашлась пара лошадей, и задержки не будетъ. Когда мы бесѣдовали, въ комнату вошелъ маленькій человѣчекъ съ типичнымъ славянскимъ лицомъ.

— Это мой письмоводитель,—сказалъ Хаджіевъ.

Разговорились. Оказалось, что письмоводитель—малороссъ изъ Черниговской губерніи. За нѣсколько лѣтъ своей жизни въ Дагестанѣ изучилъ прекрасно аварскій языкъ. Нужно замѣтить, что среди лезгинъ много нарѣчій, и часто два близкихъ по сосѣдству аула не понимаютъ другъ друга. Но общее для всѣхъ нарѣчіе—аварское.

Мы осторожно спросили начальника участка о предстоящей опасной дорогѣ.

— Э, ничего! Лошадки выведутъ,—успокоилъ онъ.

Когда выѣзжали, Хаджіевъ далъ намъ бумагу на аварскомъ языкѣ, въ которой предписывалъ всѣмъ старшинамъ оказывать намъ содѣйствіе въ дорогѣ.

Опять мы въ ущельи. И скалы, ночью казавшіяся намъ страшными чудовищами, теперь не внушаютъ ужаса,—ихъ отвѣсныя, могучія стѣны вызываютъ только удивленіе.

Проѣхавъ версты три, мы начали спускаться къ Койсу, благополучно миновали мостъ и двинулись было дальше, но здѣсь насъ окружила цѣлая толпа лезгинъ, которые громко о чемъ-то говорили и неистово размахивали руками. Съ трудомъ, понимая больше жесты, чѣмъ слова, мы догадались, что впереди дорога неблагополучна. И дѣйствительно, оказалось, что сегодня ночью горный потокъ, обратившійся въ грозную рѣку, снесъ часть мостика, устроеннаго примитивнымъ способомъ у подножія скалы. Ѣхать было невозможно—мы остановились, а горцы, вооруженные топорами и лопатами, принялись чинить мостикъ.

Часа черезъ два мы отправились дальше. Тотчасъ же за мостикомъ начинался подъемъ, на который насъ вела тропинка, описывавшая безконечный рядъ петель въ видѣ русской буквы Л.

Теперь мы ѣхали по склону горы, поросшей елями и сос-

нами, и послѣ безжизненныхъ сланцевыхъ скалъ это производило отрадное впечатлѣніе. Внизу зеленѣли нивы, и среди нихъ стояли крошечные хутора. Порой тропинка пересѣкала пышные, усѣянные альпійскими цвѣтами, луга. Впереди показался аулъ, черный, мрачный, съ саклями, сложенными изъ шифернаго сланца,—аулъ Хаити. Подъѣзжаемъ и съ любопытствомъ смотримъ на одѣтыхъ въ полушубки лезгинъ,—здѣсь значительная высота и прохлада. Въ мохнатыхъ шапкахъ, съ угрюмыми лицами, они такъ мало похожи на жителей низовья.

Насъ повидимому принимаютъ за кого-то изъ начальствующихъ лицъ и почтительно всѣ встаютъ. Дѣтишки большой толпой окружаютъ насъ и съ любопытствомъ осматриваютъ. Женщины безъ покрывалъ и не отворачиваются. Изъ толпы выдѣляется средняго роста пожилой лезгинъ съ наивными голубыми глазами. На груди у него болтается мѣдная бляха—знакъ старшины.

Ему мы подаемъ бумагу начальника участка.

Внимательно читаетъ онъ, кланяется намъ и предлагаетъ одному изъ своихъ односельчанъ немедленно сопровождать насъ. Послѣдній отрицательно качаетъ головой. Тогда старшина дѣлаетъ угрожающій жестъ рукой и начинаетъ кричать на протестанта. Кричатъ и другіе и тоже размахиваютъ кулаками. И бѣдный, испугавшійся толпы, лезгинъ покорно идетъ впередъ, вооружившись длинной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Сейчасъ же за Хаити начался удивительный по своей крутизнѣ спускъ—пришлось слѣзть съ лошади и осторожно пробираться въ какую-то пропасть, на каждомъ шагу рискуя полетѣть кубаремъ внизъ. Благополучно спустились, но не успѣли притти въ себя, какъ начался тяжелый и продолжительный подъемъ. Не даромъ такъ не хотѣлось проводнику отправляться съ нами.

Лошади останавливаются черезъ каждые десять-пятнадцать шаговъ, отдыхаютъ минутку и медленно двигаются дальше.

А вотъ и свайная тропа.

Съ большимъ любопытствомъ мы разсматриваемъ ее.

Виситъ она надъ пропастью и представляетъ воздушный мостикъ, такъ мало надежный съ перваго взгляда. Тропа эта—исключительное по своей оригинальности сооруженіе. Безъ всякаго знанія техники, безъ головоломныхъ математическихъ вычисленій строятъ ее дикари-горцы, и дорога

эта изумительное чудо искусства, поражая въ то же время глазъ своей простотой, своей крайней примитивностью. Дѣлается она такъ: въ мѣстахъ почти отвѣсныхъ на скалѣ находятъ какое-нибудь крошечное углубленіе и въ него вкладываютъ маленькій кусочекъ шиферной плитки; на него кладется вторая плитка, побольше и потолще; затѣмъ—третья, еще бо́льшая, четвертая,—и получается куча каменныхъ плитъ въ формѣ опрокинутой усѣченной пирамиды. На небольшомъ разстояніи, но на одномъ уровнѣ устанавливаютъ еще нѣсколько такихъ же пирамидъ; на нихъ накладываютъ бревна, продольныя и поперечныя; послѣднія часто однимъ концомъ вкладываютъ въ природныя или искусственныя углубленія скалы, въ выдолбленныя гнѣзда. Все это покрывается слоемъ хвороста, а поверхъ кладутъ шиферныя плиты, и мостъ готовъ. Иногда такой мостъ (или сваи) опоясываетъ скалы на цѣлыя версты.

Свайная тропа.

Не безъ нѣкоторой робости въѣхалъ я на такую тропу. Слѣва вздымаются отвѣсныя скалы, своими шиферными остріями пронизывающія небо; справа, внизу, гдѣ-то въ преисподней прячется и пѣнится Андійскій Койсу. Его злобный ревъ не доносится сюда. И сознаніе, что ты самъ висишь въ воздухѣ на шаткомъ и узенькомъ мостикѣ, рождаетъ жуткое, но пріятное чувство, которое сладкой волной обдаетъ сердце.

Я довѣрился лошади и занялся созерцаніемъ жуткихъ картинъ. Противоположная стѣна ущелья пестритъ такими же свайными мостиками, и отсюда еще яснѣе видишь всю опасность дороги.

Умная лошадь ступаетъ осторожно; она вся насторожилась, словно сознавая, какая серьезная отвѣтственность возложена

на нее. Если ее сейчасъ понукать, бить,— она терпѣливо все перенесетъ, но не прибавитъ шага.

Тропа поднимается. Мостики висятъ надъ темной бездной. Вотъ гдѣ опасно оступиться лошади. Наконецъ, дорожка сдѣлала поворотъ и перешла на твердую почву. Усталыя лошади требовали отдыха, и мы остановились около горнаго ручья, спѣшившаго соединиться съ Койсу.

Сѣли подъ сосной, которая прошла сквозь шиферный сланецъ, разворотивъ его слои, и поднялась вверхъ, согнувшись послѣ тяжелой борьбы.

Здѣсь мы закусили и черезъ часъ-полтора отправились дальше.

Опять пошли воздушные мостики. Одинъ изъ нихъ своими цѣпкими объятіями обхватилъ полукруглую скалу. И когда мы дошли до его середины, то неожиданно услышали окрикъ:

— Гой-гой!..

Торжественно и властно прозвучалъ чей-то человѣческій голосъ въ грозномъ ущельѣ. Не понимая его значенія, мы продолжали двигаться, но проводникъ, не знающій ни одного русскаго слова, рукой сдѣлалъ намъ знакъ остановиться, что мы и исполнили. Черезъ нѣсколько минутъ на поворотѣ показался лезгинъ верхомъ на катерѣ. Оказалось, это былъ сигналъ остановиться, потому что дальше нельзя было бы разъѣхаться.

За поворотомъ, среди мощныхъ скалъ, усѣянныхъ огромными соснами, въ глубокой разсѣлинѣ съ бѣшеной скоростью несся водопадъ, а рядомъ прилѣпилась къ скалѣ маленькая избушка. Веселый огонекъ вспыхивалъ въ глубинѣ сакли; вокругъ огня усѣлось нѣсколько дѣтскихъ фигурокъ и рослая женщина, украдкой смотрѣвшая въ нашу сторону. Какимъ-то волшебнымъ призракомъ показалась намъ эта избушка, вдругъ выросшая среди дикихъ, безжизненныхъ скалъ. Дѣло объяснилось просто, когда мы еще ниже, надъ тропинкой, увидѣли водяную мельницу и лезгина, съ большимъ любопытствомъ оглядывавшаго насъ: чудесная избушка принадлежала мельнику.

Начиналъ накрапывать дождь. Но вотъ вблизи показались сакли, и мы поспѣшили къ нимъ. Это—аулъ Сагода́.

Дидо́.

1.

Только-что мы въѣхали въ узенькую грязную улицу Сагоды, какъ насъ окружило нѣсколько дидоевцевъ въ изодранныхъ и заплатанныхъ полушубкахъ и мохнатыхъ шапкахъ. Удивленно смотрѣли на насъ своими дѣтскими голубыми глазами и что-то говорили на своемъ странномъ нарѣчіи. Появились и женщины въ своихъ причудливыхъ одѣяніяхъ. Темно-синяя рубаха неплотно прилегала къ тѣлу, а широкая изъ яркаго кумача мантія, обхватывая заднюю часть головы, полосой спускалась на спину. Головной уборъ представлялъ собой нѣсколько рядовъ серебряныхъ монетъ, непосредственно прилегавшихъ къ волосамъ. Различныя подвѣсочки въ видѣ ажурной бахромы окаймляли это оригинальное головное украшеніе. Вмѣсто серегъ были навѣшены громадной величины мѣдныя побрякушки въ формѣ полумѣсяца. Яркость, праздничность красокъ — отличительная особенность женскаго костюма, и это такъ мало гармонировало съ безотраднымъ и мрачнымъ видомъ сакль, сложенныхъ изъ грубыхъ плитъ чернаго шифера. Держатся женщины свободно, и взглядъ ихъ горитъ независимостью и отвагой. Здѣсь повидимому нѣтъ этой рабской приниженности женщины, какую я наблюдалъ въ Аваріи. Выскочили и дѣти, любители всякихъ неожиданныхъ зрѣлищъ: вѣдь путешественники очень рѣдкіе гости въ этомъ непривѣтливомъ краю.

Женщины дидойки въ нарядныхъ костюмахъ.

Пока сагодинцы говорили о чемъ-то на своемъ оригинальномъ языкѣ (съ постояннымъ сочетаніемъ звуковъ тль), мы попросили указать намъ старшину. Одинъ изъ нихъ отрицательно покачалъ головой—это означало, что старшины нѣтъ. Тогда мы, скорѣе мимикой, чѣмъ словами, предложили пригласить муллу.

Мулла явился скоро, но онъ не зналъ ни одного русскаго слова. Мы показали ему бумагу начальника участка Хаджіева. Надѣвъ очки, мулла вслухъ прочелъ бумагу и почтительно, по-восточному, привѣтствовалъ насъ, знаками предлагая слѣзть съ лошадей и пожаловать за нимъ. Повелъ онъ насъ въ домъ старшины. Собравшееся населеніе аула сопровождало насъ.

Двѣ комнатки, составлявшія помѣщеніе старшины, были грязны и пусты—всѣхъ жильцовъ, по распоряженію муллы, на время выдворили.

Нужно было подумать о пищѣ—мы порядочно проголодались, но во всемъ аулѣ не было человѣка, который зналъ хотя бы одно русское слово. Пришлось изобрѣсти новый способъ объясненія съ людьми чуждаго намъ языка. Нарисовали корову и знаками показали, что желаемъ купить молока. Успѣхъ былъ неожиданный—одинъ лезгинъ тотчасъ побѣжалъ и принесъ не только молока, но и хлѣба чернаго, грязнаго.

Стемнѣло, и кто-то принесъ лампу, но секретъ пользоваться ею зналъ одинъ старшина, и смѣшно было видѣть, какъ взрослые мужчины вертѣли въ рукахъ стекло и никакъ не могли надѣть его. Сакли свои они освѣщаютъ лучиной.

Много было курьезовъ, когда я въ присутствіи нѣсколькихъ, наиболѣе любопытныхъ дидоевцевъ заряжалъ въ темной комнатѣ фотографическія кассеты. Кто-то изъ нихъ рѣшилъ, что дѣлается это не иначе, какъ при участіи шайтана (чорта).

— Шайтанъ, шайтанъ!—шепталъ изумленный дикарь.

И я ловилъ испуганные взгляды толпы.

Никто не рѣшался приблизиться ко мнѣ во время процесса заряженія, и не малыхъ усилій стоило уговорить этихъ наивныхъ людей подойти, чтобы убѣдиться въ простотѣ и естественности происходящаго. Больше всего ихъ поражалъ красный свѣтъ. Но едва ли можно было убѣдить ихъ, что все это естественно.

Легли мы на широкихъ нарахъ, подославъ подъ себя бурки. Я началъ уже дремать, какъ Ф. вскочилъ въ ужасѣ и, освѣтивъ комнату, предложилъ мнѣ взглянуть на стѣну. Я

былъ пораженъ: буквально тысячи клоповъ расхаживали по ней, нѣсколько обезпокоенные свѣтомъ. Ясно стало, что мы попали въ клоповникъ. Нужно было подумать о томъ, какъ провести ночь. И мы начали занимать другъ друга различными разсказами изъ своихъ приключеній на сушѣ и на морѣ.

2.

Былъ третій часъ ночи, когда надъ ауломъ прозвучалъ голосъ муллы—тоскливо разбилъ онъ молчаніе ночи, призывая къ молитвѣ правовѣрныхъ. Оборвался голосъ муллы, смолкъ, и снова надъ ауломъ легла тишина.

Закричали пѣтухи на селѣ, а жители Сагоды и не думали вставать. Доносилось только тихое ворчанье неугомоннаго Койсу. И вдругъ сонное ущелье вздрогнуло, охнуло отъ страшнаго треска, родившагося среди молчанья.

Дрогнули скалы, застонали словно отъ боли. И вслѣдъ за этимъ въ встревоженномъ воздухѣ пронесся какой-то дикій хохотъ—то неистовствовалъ горный обвалъ, и во executedракѣ ночи скрежетали камни, въ бѣшеной схваткѣ разбивая другъ друга. И долго-долго стоялъ чудовищный стонъ, могучимъ эхомъ перебрасывался въ сосѣднее ущелье, сотрясая воздухъ.

Оцѣпенѣвшіе отъ ужаса и удивленія, прислушивались мы къ этому вихрю новыхъ, стихійныхъ звуковъ и думали, что сейчасъ же выскочатъ всѣ изъ своихъ грязныхъ сакль. Но мирно спали сагодинцы, привычные ко всякимъ капризамъ горъ.

Стихло.

И словно жалуясь на того, кто нарушилъ сладкій покой ночи, закричали ослы, закричали, громко надтреснутыми голосами.

Аулъ продолжалъ спать.

Я подошелъ къ окну и взглянулъ на картину пробуждающагося утра.

Вдали за ущельемъ стояла высокая оголенная гора, и нѣжная пунцовая лента, опоясавъ ея склоны, горѣла и переливалась чуднымъ блескомъ, въ то же время макушка горы плавала въ молочномъ туманѣ. И постепенно туманъ рѣдѣлъ, расплывался клочьями, тянулся вверхъ, обнажая массивной конусъ, украшенный снѣжными узорами. Вверху загорался день. Проснулись и ближнія горы. Свѣтъ дня заглянулъ, наконецъ, и въ спавшее ущелье.

Опять закричали ослы, заблеяли овцы,—теперь аулъ пробуждался. Женщины съ дойниками спѣшили къ коровамъ; мужчины о чемъ-то спорили между собою, кричали.

Мы наскоро напились молока и двинулись въ дальнѣйшій путь, взявъ новаго проводника.

Сагодинцы всѣ налицо—они посылаютъ намъ привѣтствія. У многихъ усы выкрашены синей краской; на большомъ пальцѣ правой руки у взрослыхъ мужчинъ замѣчаю широкое мѣдное кольцо.

Вступили въ самую дикую часть Дагестана—въ Дидо.

Опять ущелье съ нависшими мрачными скалами, съ головокружительными воздушными тропинками. Сосна и березка украшаютъ чудовищныя скалы. Чаще и чаще мы спускаемся къ Койсу, и его ревъ оглушаетъ насъ.

Подъѣхали къ аулу, совершенно необитаемому. Всѣ сакли наглухо заперты какими-то оригинальными деревянными замками. Оконъ въ избахъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ—большіе просвѣты, заколоченные продольными досками. Въ промежуточныя щели пробирается слабый свѣтъ дня, и вѣчный мракъ стоитъ въ этихъ жалкихъ, звѣриныхъ лачугахъ, построенныхъ изъ кусковъ шифера. Половъ нѣтъ. Грязь ужасная. Все это мы наблюдаемъ черезъ просвѣты, образованные досками, замѣняющими стекла. Замѣчается полное отсутствіе желѣза и стекла. Даже гвоздей не нахожу. Проводникъ жестами даетъ намъ понять, что все населеніе этого аула переселилось на альпійскія пастбища, въ горы.

По дорогѣ наблюдаемъ, какъ постепенно шиферный сланецъ переходитъ въ глинистый, и, по мѣрѣ нашего движенія на югъ, растительность все больше и больше разнообразится, пріятно лаская взоръ, уставшій отъ десятидневнаго созерцанія обнаженныхъ скалъ.

Безводіе знойныхъ горъ кончилось. На каждомъ шагу встрѣчаются привѣтливые горные ключи и рѣзвыя рѣчушки, съ оглушительнымъ ревомъ несущіяся въ Койсу.

Среди пустынныхъ горъ показалось нѣсколько сѣрыхъ сакль—аулъ Хамаятлахъ. Здѣсь мы сдѣлали небольшую остановку. Старшина былъ единственнымъ представителемъ мужского населенія: всѣ мужчины выѣхали со своимъ скотомъ на пастбищныя мѣста, въ горы. Онъ пригласилъ насъ въ свою саклю. Сакля представляла одну большую, неоштукатуренную прокопченную комнату. Небольшое, но глубокое углубленіе въ стѣнѣ замѣняетъ здѣсь каминъ. Вдоль стѣнъ были распо-

ложены нары, представлявшія плохо отесанныя бревна, лежавшія непосредственно на камняхъ. На нарахъ была разбросана солома и цѣлая груда грязнаго отвратительнаго на видъ тряпья. Низенькій столикъ служилъ дополненіемъ обстановки. Больше ничего не могъ встрѣтить глазъ въ этой пустынной комнатѣ, если не считать нѣсколькихъ глиняныхъ кувшиновъ и чашекъ, стоявшихъ въ углу на земляномъ полу. Отпечатокъ бѣдности и первобытности лежалъ на всей обстановкѣ сакли.

Гостепріимство, однако, свойственно всѣмъ горцамъ - магометанамъ, и старшина предложилъ намъ (понятно жестами) присѣсть, а самъ вышелъ изъ сакли. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, сіяющій, довольный, и преподнесъ намъ великолѣпный овечій сыръ, но въ чемъ? Въ посудѣ, которая у европейцевъ имѣетъ назначеніе, противоположное ѣдѣ. Велико было огорченіе этого наивнаго человѣка, когда мы отказались отъ прекраснаго блюда.

Изъ Хамаятлаха дорожка пошла среди зелени и поднялась на большой перевалъ. Отсюда мы спустились въ дѣвственный лѣсъ. Дубъ, ольха, грабъ и другія деревья поражали глазъ своей величиной. Только къ вечеру успѣли добраться до центральнаго аула Дидоевскаго участка—Кидеро.

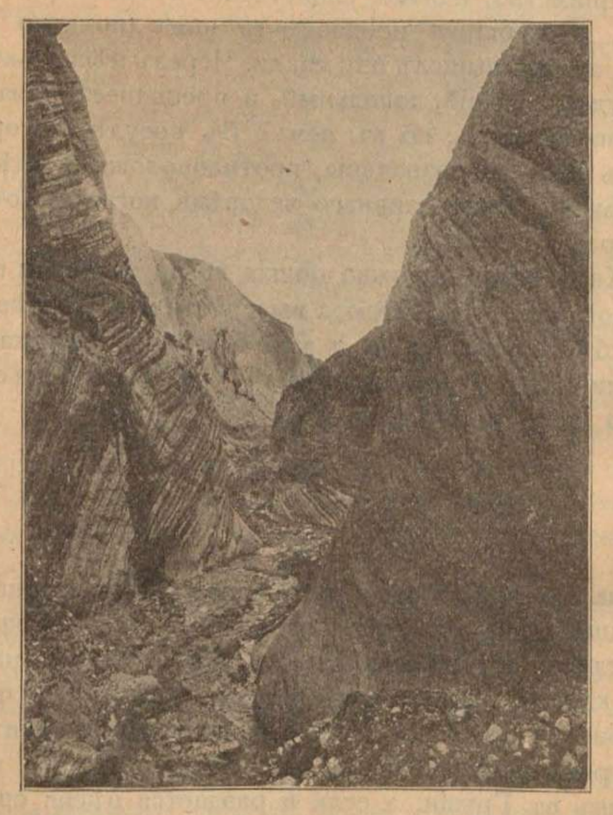
3.

Сурова природа Дидо. Грандіозныя скалы, темныя пропасти, мрачные лѣса, холодные подоблачные луга,—мрачно, дико, непривѣтливо. Черный шиферъ или, какъ его здѣсь называютъ, „черный камень“ придаетъ мѣстности угрюмый, безрадостный видъ. Природа положила свой отпечатокъ и на обитателей,—они смотрятъ исподлобья, не улыбаются; здѣсь не услышишь пѣнія, какъ въ Грузіи, а если и раздается пѣсня среди мрачныхъ скалъ, то тоскливая, заунывная. Сурова здѣсь борьба за существованіе, и тяжела жизнь среди постоянныхъ лишеній, нужды. Обычное легкомысліе жителей Андіи или Аваріи не свойственно дидоевцу,—онъ знаетъ, что его ожидаетъ голодная смерть, если не будетъ самъ работать, и онъ терпѣливо работаетъ,—работаетъ наравнѣ съ женщиной, не взваливая на ея плечи всего труда. Нѣтъ здѣсь и унижающаго человѣческое достоинство выкупа за невѣсту.

Съ наступленіемъ зимы мѣстность Дидо отрѣзана отъ

Кахетіи, съ которой лѣтомъ сообщается черезъ высокій Кодорскій перевалъ, почти отрѣзана и отъ Андіи,—свайныя тропы покрываются ледяной корой, и движеніе по нимъ становится почти невозможнымъ. Съ желѣзными лопатками въ рукахъ, отвоевывая себѣ каждый шагъ, пробираются зимой наиболѣе смѣлые жители.

Кто же придетъ на помощь голодному дидоевцу, если у

Ущелье въ Дагестанѣ (Араканское). Ясно видно складки горныхъ породъ и ихъ разрушеніе.

него не будетъ зимнихъ запасовъ провизіи? Но и потребности его слишкомъ скромны: весь круглый годъ дидоевецъ можетъ прожить однимъ толокномъ,—слегка поджаренный ячмень обращается въ муку, которая смачивается водой, и получается тѣсто, составляющее очень часто единственное блюдо бѣднаго горца. И толокна не всегда хватаетъ дидоевцамъ, и тогда они на верховыхъ лошадяхъ отправляются въ Кахетію и привозятъ

сюда сыръ, медвѣжьи шкуры, грубые паласы, взамѣнъ чего покупаютъ кукурузу и соль.

Жалкіе кусочки земли въ 200—300 кв. саж. не даютъ своимъ владѣльцамъ даже годового обезпеченія, несмотря на поразительную скромность ихъ потребностей.

Есть у дидоевцевъ небольшіе гурты овецъ и у нѣкоторыхъ коровъ, но кромѣ сыра, дидоевецъ ничего не можетъ приготовлять.

Долголѣтіе здѣсь неизвѣстно,—рѣдко кто проживетъ больше пятидесяти лѣтъ.

Въ Дидо тридцать пять ауловъ, раскинутыхъ среди высокихъ горъ. И когда посмотришь на эти жалкіе аулы, то кажется, что весь міръ забылъ объ ихъ существованіи. Въ Дидо не только нѣтъ школъ,—нѣтъ даже лавочки, и многія женщины, когда получали отъ насъ за провизію серебряныя монеты, долго вертѣли ихъ въ рукахъ, любовались ими, а потомъ прятали ихъ, какъ украшеніе, для головныхъ уборовъ.

И при всей своей некультурности, дикости, это горское племя проявляетъ удивительно симпатичныя черты характера: гостепріимство, добродушіе, смѣлость, честность, трудолюбіе.

Женщины здѣсь носятъ не только магометанскія, но и христіанскія имена: Тамара, Маріамъ. Можетъ-быть, это объясняется близостью Грузіи.

4.

Назойливый дождь задержалъ насъ въ Кидеро цѣлыхъ двое сутокъ. Единственно, что я успѣлъ за это время сдѣлать—это снять ребятъ-дидоевцевъ. Не обошлось безъ курьеза. Собрать группу маленькихъ дикарей было не легко. Помогъ мнѣ въ этомъ участковый начальникъ-лезгинъ, который послалъ стражника позвать дѣтей къ мечети. Едва я появился съ аппаратомъ, какъ добрая половина малышей, испугавшись наведенной на нихъ страшной машины, удрала безъ оглядки, другая часть была задержана энергичнымъ стражникомъ.

Только на третьи сутки отправились мы въ Кахетію. Передъ отъѣздомъ начальникъ участка показалъ намъ интересную шпагу, доставшуюся ему по наслѣдству. Сохранилось родовое преданіе, что эта шпага когда-то принадлежала одному изъ вождей крестоносцевъ. На шпагѣ находится вправленное мѣдью изображеніе креста.

Дорога отъ Кидеро поднималась на перевалъ. Горы утопали въ густомъ молочномъ туманѣ, и мы съ трудомъ могли видѣть юркую фигуру проводника, проворно шагавшаго по грязной тропинкѣ. Порой вѣтеръ разсѣивалъ туманъ, и тогда обнажались горные бока, покрытые густымъ рододендрономъ и высокой сочной альпійской травой. Тропинка видимо подняла насъ высоко, но густой туманъ закрывалъ горные ландшафты. Долго мы ѣхали по самому гребню, потомъ спустились куда-то внизъ. И не успѣли взять одинъ перевалъ, какъ опять начался подъемъ. Солнце неожиданно прорвало молочную завѣсу и освѣтило все пріятнымъ, ласковымъ блескомъ. Лошадки карабкались по тропинкѣ, повисшей надъ пропастью. Изъ страшной пасти глубокаго и узкаго ущелья раздавались человѣческіе голоса. Откуда здѣсь люди? И мы вспомнили слова начальника Кидеровскаго участка:

— Будете ѣхать, увидите сверху, какъ горцы прокладываютъ тропу.

Это дидоевцы вели тропу, соединяющую Дидо съ Кахетіей. Надо думать, что она будетъ лучше той головокружительной, по которой мы ѣдемъ. Они работали безплатно—это своеобразная натуральная дорожная повинность, при отсутствіи которой дороги давно бы пришли въ полную негодность.

Мы ѣхали по страшному карнизу скалы, и не могли видѣть работающихъ. Опять незамѣтно откуда-то изъ ущелья ползъ туманъ клочьями, въ видѣ фантастическихъ птицъ. Появились облака и сверху, постепенно закрывая голубое небо. Началъ накрапывать дождь. Крупныя капли застучали по каменнымъ уступамъ дорожки, сдѣлавшейся склизкою, мокрой. Стало прохладно,—порывами набѣгалъ вѣтеръ и заставлялъ насъ плотнѣе кутаться въ резиновые плащи. А дождь становился сильнѣе. По ущелью пробѣгалъ и рокоталъ громъ. Сверкнула молнія—разъ, два. Вѣтеръ мчалъ громадныя тучи, какъ мелкія бумажки, бросалъ ихъ о каменную грудь хребта, и полилъ страшный ливень. Закрылось все,—стало темно. Мы покорно довѣрились лошадямъ, которыя шли за проводникомъ. Ослѣпительныя вспышки молніи, сопровождавшіяся громовыми ударами, слѣдовали одна за другой съ поразительной быстротой. Лошади вздрагивали, фыркали. Одинъ проводникъ сохранялъ спокойствіе, и это сообщало намъ нѣкоторую бодрость. Вода заходила за шею, въ ноги: плащъ не могъ выдержать стремительнаго напора ливня. Не больше пятнадцати минутъ

продолжался этотъ адъ. И сразу стало тихо и хорошо,—тучи понеслись дальше. Уже вечерѣло. Внизу, на громадномъ отъ насъ разстоянiи, дымились костры. Это дидоевцы-рабочiе устроились у огня—грѣлись. Серебряная узенькая лента Койсу едва обозначалась на днѣ ущелья; онъ здѣсь далеко не такой грозный,—тутъ близко его истоки.

Нашъ проводникъ Али пошелъ молиться. Коранъ повелѣваетъ магометанамъ совершать молитву пять разъ въ теченiе дня. Молитва совершается во всякомъ мѣстѣ, гдѣ застанетъ путника положенное время.

Горная мельница въ Дагестанѣ.

Сдѣлалось темно, когда Али окончилъ молитву и подошелъ къ намъ.

— Айда, айда!—добродушно призывалъ онъ насъ въ дорогу.

Теперь только мы осмыслили всю непрiятность своего положенiя: до ближайшаго кахетинскаго села отсюда не меньше двадцати верстъ—да какихъ верстъ!—впереди стоялъ мрачный лѣсъ, озаряемый сполохами молнiй; въ немъ бродятъ голодные волки, медвѣди.

Перспектива не была заманчивой. Насъ только успокаивало веселое настроенiе проводника.

И вдругъ рѣжущая, острая мысль прошла по душѣ: а что, если онъ заведетъ умышленно куда-нибудь къ злымъ людямъ? Становилось жутко.

Мы ѣхали лѣсомъ, чутко прислушиваясь къ каждому постороннему шороху.

Мокрыя, отяжелѣвшія отъ дождя деревья стояли понуро, точно больныя.

На одномъ поворотѣ неожиданно предъ нами выросли три человѣческія фигуры. Моя лошадь шарахнулась было въ сторону, и я съ трудомъ сдержалъ ее.

По тому тону, съ какимъ эти неизвѣстные заговорили съ нашимъ Али, я понялъ, что это не злоумышленники.

— А! русскій! здравствуй!—сказалъ, подойдя къ намъ, самый высокій изъ нихъ, въ лохматой шапкѣ и черкескѣ.

Я не могъ въ темнотѣ увидѣть его лица, но почувствовалъ, что этотъ человѣкъ долженъ быть очень добрымъ.

— Слѣзай—здѣсь сторожевой постъ. Мы—казенные всадники. Теперь ѣхать нехорошо: отдохнешь здѣсь.

Мы очень обрадовались и теперь только замѣтили въ сторонѣ отъ дороги землянку. Войти въ нее можно было согнувшись. И когда мы переступили порогъ, всадники принялись ухаживать за нами: стянули съ насъ плащи и бурки, освободили ноги отъ мокрой обуви и быстро вздули потухавшій костеръ. Никогда огонь не имѣлъ для меня такой привлекательности,—веселое пламя ласкало озябшіе члены, согрѣвало ихъ. Показались еще два человѣка съ громадными палками,—это пастухи соблазнились пріятной возможностью погрѣться у костра и оставили на время холодныя пастбища. Ихъ тоже пригласили гостепріимные обитатели землянки.

— Какъ попали въ нашъ край?—спрашивалъ насъ высокій бородатый лезгинъ.

Лицо у него было удивительно пріятное.

Какъ выяснилось, научился онъ говорить по-русски во время японской войны.

— Чай, чай приготовь! Магома,—обратился онъ къ товарищу,—чайникъ поставь.

И Магома съ видимой охотой ставитъ на огонь чайникъ и старается всячески угодить гостямъ.

Костеръ окружили всѣ: всадники, пастухи, мы. Одинъ Али остался пока присмотрѣть лошадей.

Веселое пламя прыгало, освѣщая добродушныя физіономіи счастливыхъ, довольныхъ горцевъ. Двое изъ нихъ могли еще объясняться по-русски, остальные говорили на аварскомъ

нарѣчіи. Но это не мѣшало имъ смѣяться съ дѣтскою искренностью по всякому ничтожному поводу.

Смѣялись оттого, что у насъ былъ свой сахаръ; страшный взрывъ смѣха раздался въ землянкѣ, когда пожилой пастухъ обжогъ себѣ ротъ горячимъ чаемъ. Эти безхитростныя взрослыя дѣти были удивительно красивы въ своей человѣчности и простотѣ.

Когда мы достаточно подкрѣпились вкуснымъ чаемъ, всадники постлали намъ сѣна на земляномъ полу, и мы заснули какъ убитые.

Утромъ поднялись очень рано.

Лошади были осѣдланы. Всадники сопровождали насъ до самой вершины Кодорскаго перевала (10,208 фут.). Съ перевала, сквозь прорывавшуюся пелену тумана мы увидѣли Кахетію, сверкавшую своей сказочной красотой.

СОДЕРЖАНІЕ.

Книги по географіи, изданныя И. Горбуновымъ-Посадовымъ.

ВЪ ГОРАХЪ КАВКАЗА. Путешествіе по горамъ Кавказа пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажѣ. Л. Лидановой. I. По Военно-Сухумской дорогѣ. II. По Военно-Грузинской дорогѣ. III. По Военно-Осетинской дорогѣ. Со многими рисунк. Въ литографиров. обложкѣ Алисова. Ц. 1 р.

ЗА ПОЛУНОЧНЫМЪ СОЛНЦЕМЪ. Поѣздка въ Лапландію. С. Дурылина. Со многими рисунками. Ц. 80 к.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО НОРВЕГІИ. Сергѣя Орловскаго. Съ 43 рисунками и картой Норвегіи. Ц. 75 к.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ, ДРУГЪ ДИКИХЪ Н. Н. МИКЛУХА-МАКЛАЙ. Сост. Е. Короткова. Съ 21 рис. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

ДОРДЖИ, БУРЯТСКІЙ МАЛЬЧИКЪ. Разсказъ А. Потаниной. Съ 10 рисунками. Изд. 2-е. Ц. 12 к.

РАЗСКАЗЫ О БУРЯТАХЪ, ИХЪ ВѢРѢ И ОБЫЧАЯХЪ. А. Потаниной. Съ рисунками. Ц. 10 к.

ПОѢЗДКА ПО СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Ф. Карпентера. Съ англійск. перевела и дополнила А. Тахтарева. Выпускъ I. Со мног. рис. Ц. 65 к.

КРАСНОКОЖІЕ. Изъ жизни сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. П. Хлѣбникова. Съ рисунками. Въ обложкѣ и краскахъ. Ц. 45 к.

КАКЪ Я ПУТЕШЕСТВОВАЛЪ ПО АБИССИНІИ. Л. Бессель. Со мног. рис. Ц. 30 к.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО САХАРѢ. По Брэму составилъ С. Порѣцкій. Съ 10 рисунками. Изд 2-е. Ц. 10 к.

ХИРЬЯКОВЪ, А. Во что вѣруютъ японцы. Очеркъ. Ц. 10 к.

— Разсказы о землѣ. Съ 22 рис. Изд. 3-е. Ц. 16 к.

— Разсказы о небесныхъ свѣтилахъ. Изд. 3-е. Съ 27 рисунк. Ц. 15 к.

РУБАКИНЪ, Н. Вода на землѣ, подъ землей и надъ землей. Съ рис. Ц. 4 к.

ЧИЖОВЪ, Е. Тайны и чудеса Божьяго міра. Разсказы о разныхъ странахъ, о земномъ шарѣ, о звѣздахъ и планетахъ. Со многими рисунками. Изд. 6-е. Цѣна въ обложкѣ 1 р.

НА МОРѢ И НА ЗЕМЛѢ. Выпускъ I. Со множествомъ рис. Ц. 65 к.

Содержаніе: Землетрясеніе въ Италіи. Л. Ж.—Къ вѣчному льду южнаго полярнаго материка. Бидлингмайера.—Хассанъ Мудрый. Б.—Индѣйскій пастухъ. Н. Уайеса.—Подъ землею Л. Шевякова.—Въ Тобольскъ. Л. Лидановой.—Ши-Ханъ-Хунъ. П. М.

НА МОРѢ И НА ЗЕМЛѢ. Выпускъ II. Со мн. рисунк. Ц. 55 к.

Содержаніе: Въ башкирскомъ аулѣ. Л. Лидановой.—Мамонтъ. Л. Шевякова.—Моя первая поѣздка на Кавказъ. А. Зонова.—На Казбекъ. Меленчука.—Смѣлая. Изъ жизни Алтая. М. Мирской.

НА МОРѢ И НА ЗЕМЛѢ. Выпускъ III. Со многими рисунками. Ц. 70 к.

Содержаніе: Къ землѣ обѣтованной. I. На новыя земли. II. Семьсотъ верстъ на казацкой лошадкѣ. А. И. Беневскаго. Землетрясеніе въ Туркестанѣ. Л. Ж. Поѣздка въ Баку. Л. Шевякова. Три пути. (Черезъ гору Симплонъ въ Швейцаріи.) Н. Ульянова. Пѣшкомъ по горной Швейцаріи. А. Тахтаревой.

НА МОРѢ И НА ЗЕМЛѢ. Вып. IV.

Содержаніе: Въ царствѣ винтиковъ, пружинокъ и колесиковъ. Н. Ульянова. По болгарскимъ горамъ. И. Вазова. Двѣ недѣли среди самоѣдовъ. А. Воскресенскаго. Великіе морскіе каналы: Суэцкій и Панамскій. Н. Ульянова. Со мног. рис. Ц. 70 к.

РАЗСКАЗЫ О ПОЛЬШѢ И ПОЛЯКАХЪ. Съ 31 рисункомъ. Ц. 20 к.

ЧЕРНЯЕВА, М. Разсказы объ Австраліи и австралійцахъ Съ 34 рис. Изд. 3-е. Ц. 25 к.

Всѣ эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ „ПОСРЕДНИКЪ“ (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ и книжныхъ складахъ.

Выписывать можно изъ главн. скл. издательства: Москва, Арбатъ, д. 36, И. И. ГОРБУНОВУ.

Цѣна **1** р.

Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.